

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное автономное учреждение высшего профессионального образования
**«Уральский Федеральный университет
имени первого президента России Б. Н. Ельцина»**

**Институт гуманитарных наук и искусств
Филологический факультет**

Кафедра риторики и стилистики русского языка

Речевой портрет блогера – общественного деятеля (на материале блога Е. Ройзмана)

Допустить к защите:

Зав. кафедрой
доктор филологических наук,
профессор,
Вепрева И. Т.

Магистерская диссертация
студента 2 курса
Берсенёвой Анастасии
Александровны

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент,
Пикулева Ю. Б.

Екатеринбург
2016

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Речевой портрет блогера как объект лингвистического исследования.....	8
1.1. Языковая личность и аспекты речевого портретирования.....	8
1.2. Интернет-коммуникация и проблемы изучения виртуальной личности блогера.....	17
Выводы по 1 главе.....	29
Глава 2. Лингвокогнитивная специфика речевого портрета блогера Е. Ройзмана.....	30
2.1. Теоретические предпосылки исследования когнитивного уровня.....	30
2.2. Лингвокогнитивный анализ блога Е. Ройзмана.....	33
2.2.1. Оппозиция <i>правда – ложь</i> в блоге Е. Ройзмана.....	33
2.2.2. Оппозиция <i>свои – чужие</i> в блоге Е. Ройзмана.....	38
2.2.3. Оппозиция <i>помощь обществу – антисоциальная деятельность</i> в блоге Е. Ройзмана.....	43
Выводы по 2 главе.....	59
Глава 3. Прагматическая специфика речевого портрета блогера Е. Ройзмана.....	61
3.1. Теоретические предпосылки исследования прагматического уровня.....	61
3.2. Лингвопрагматический анализ блога Е. Ройзмана.....	67
3.2.1. Кооперативные стратегии речевого поведения в блоге Е. Ройзмана.....	67
3.2.2. Конфликтные стратегии речевого поведения в блоге Е. Ройзмана.....	77
Выводы по 3 главе.....	84
Глава 4. Стилистическая специфика речевого портрета блогера Е. Ройзмана.....	85
4.1. Теоретические предпосылки исследования вербально-семантического уровня.....	85
4.2. Речевая манера блогера Е. Ройзмана.....	88
Выводы по 4 главе.....	100
Заключение.....	102
Список использованной литературы.....	104

Введение

Десять лет назад блоги как интернет-явление были малоизвестны и только начинали приобретать популярность. Сейчас блоги стали настолько значимым фактом российской жизни, что, оперативно реагируя на происходящие в стране и мире события, оказывают влияние на состояние общества и языка. При этом блогосфера до сих пор остается недостаточно изученным явлением, хотя в последнее время всё большее число исследователей обращается к изучению интернет-коммуникаций [Белинская, Жичкина 2000, Горный 2004, Волохонский 2007, Данилов 2011, Боярских 2012, Шалина 2012, Лутовинова 2013, Гермашева 2014, Кочеткова, Тубалова 2014, Кудряшов, Калашникова 2015]. Таким образом, изучение блогов является весьма актуальным направлением научных исследований в области лингвопрагматики, лингвостилистики и лингвокультурологии.

Блог (от английского слова *weblog* — «веб-журнал») — это сетевой дневник одного или нескольких авторов (также называемых блогерами), состоящий из записей, представленных в обратном хронологическом порядке. Совокупность блогов принято называть блогосферой.

Считается, что первый блог был создан в 1997 году главой компании *Userland Software*. Он назывался *Scripting News* и рассказывал о новинках в области компьютерных технологий. Этот блог, как и многие последующие, ввиду их информационной наполненности, принято считать одной из форм «авторского проекта». Авторы сетевых дневников обычно используют интернет-пространство, чтобы рассказать о том, «что с ними происходит, высказывают свои мнения по поводу тех или иных политических и культурных событий, а также комментируют публикации в интернете, связывая комментарии гиперссылками с источником» [Современный медиатекст 2011: 306]. В центре внимания, таким образом, оказывается личность пользователя сети. Возможно, поэтому блогосфера приобрела огромную популярность за последние несколько лет как новая

информационно-коммуникативная среда, которая требует внимательного лингвистического изучения. Обращение к подобному источнику материала обуславливает **актуальность** исследования.

Большая часть блогосферы создается блогерами-любителями, непубличными персонами, которые решились озвучить своё мнение о происходящем вокруг. «Все интересные события моментально находят отклики в миллионах пользовательских интернет-журналах по всему миру. Читатель получает возможность с той или иной степенью объективности понять, что же на самом деле происходит» [Современный медиатекст 2011: 308]. Такие блогеры, распространяя информацию, не испытывают значительного давления: они не ощущают ответственности за её достоверность.

По-другому дело обстоит тогда, когда собственный блог заводят публичные персоны, чье мнение значимо для общества. По статистическим данным, самыми популярными блогами становятся сетевые дневники профессиональных журналистов, писателей, общественных деятелей. В пространстве интернета журналисты могут высказать не только точку зрения редакции, но и свою собственную, писатели и общественные деятели могут раскрыться для своих читателей с неожиданной стороны. Подобные блогеры, очевидно, «претендуют на новый подход к структурированию и управлению информационно-смысловыми потоками» [Калмыков, Коханова 2005: электр. ресурс].

Объектом данного исследования являются блог известного уральского общественного деятеля Евгения Ройзмана. **Предмет** исследования — когнитивная, прагматическая и стилистическая специфика речевого портрета блогера, работающего на благо социума.

Цель исследования — комплексное описание речевого портрета блогера – общественного деятеля. Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

1. Дать теоретическое описание ключевых терминов исследования: языковая личность, речевой портрет.
2. Осуществить анализ речевого портрета блогера в рамках лингвокогнитивного подхода.
3. Осуществить анализ речевого портрета блогера в рамках лингвопрагматического подхода.
4. Осуществить анализ речевого портрета блогера в рамках стилистического подхода.

В ходе исследования были использованы общенаучные **методы** — описательный и классификационный, а также специальные методы исследования — лингвокогнитивный, лингвопрагматический и лингвостилистический анализ текста.

Материалом исследования послужил блог Евгения Ройзмана «Сила в правде» (ведется под ником roizman). Данный блог, который ведет основатель фонда «Город без наркотиков», в данный момент — мэр города Екатеринбурга, был выбран для исследования как имеющий высокий рейтинг среди блогов русскоязычного сектора блог-платформы LiveJournal: по данным LiveJournal, имеет больше 2500 читателей. Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» от 05.05.2014 приравнивает блогеров, в чьих дневниках фиксируется больше 3000 индивидуальных посещений в день, к СМИ [Федеральный закон от 05.05. 2014 № 97-ФЗ], и администрация LiveJournal в России приняла решение закрыть доступ к рейтингам, для того чтобы обойти закон. Таким образом, на данный момент популярность блогера в ЖЖ можно определить только по тому, есть ли у него 2500 читателей, меньше или больше.

Блогер roizman актуален для изучения как региональный автор, чьей деятельностью интересуются не только в родном городе, но и далеко за его

пределами. В блоге Евгений Ройзман освещает некоторые культурные и политические события Екатеринбурга и России, а также результаты собственной общественной деятельности. Речевой портрет данной языковой личности уже становился предметом изучения, но обычно на материале устных выступлений [Еремина, Потысьева 2005, Никифорова 2015]. **Новизна** данного исследования состоит в конструировании речевого портрета на материале блога, ранее изученного в речежанровом аспекте [Данилов 2011].

Для описания речевого портрета важны установки, с которыми автор блога и его читатели взаимодействуют с виртуальным дневником. Важнейшая из таких предпосылок, которая актуализируется, когда речь идет о блоге Евгения Ройзмана, заключается в том, что это блог публичного человека, видного уральского общественного деятеля. Общественная деятельность – работа, связанная с обслуживанием политических, культурных, профессиональных и других нужд общества, направленная на удовлетворение материальных и духовных нужд коллектива [БТС 2014: электр. ресурс]. В законодательстве Российской Федерации нет нормативного определения понятия *общественный деятель*, однако в рамках юриспруденции исследователями отмечается, что в ряды общественных деятелей можно включить руководителей и видных функционеров «политических партий, других общественных организаций, массовых движений, профессиональных, религиозных организаций, иных общественных объединений федерального или регионального значения» [Бриллиантов, Курганов 2011: 416], также к общественным деятелям можно отнести широко известных, влиятельных представителей средств массовой информации, культуры, науки, образования. Таким образом, общественный деятель – человек, решающий проблемы общества в социальной сфере, в сферах политики, культуры и науки. Деятельность Евгения Ройзмана в качестве одного из основателей фонда «Город без наркотиков» и мэра города Екатеринбурга, отраженная в блоге, во многом, очевидно, будет определять все аспекты речевого портрета блогера.

Нами были проанализированы записи указанного блога за 2005—2016 годы, посвященные общественной деятельности блогера. В работе принято точное цитирование дневниковых записей с сохранением языковых особенностей оригинала.

Содержание исследования отражено в 11 публикациях, материалы были представлены на 5 всероссийских и международных конференциях и 2 научных семинарах.

Структура работы, в которой представлены введение, четыре главы, заключение и список использованной литературы, обусловлена принятой моделью описания.

Глава 1. Речевой портрет блогера как объект лингвистического исследования

Цель данной главы — дать описание ключевых терминов исследования *языковая личность* и *речевой портрет*, описать специфику изучения виртуальной языковой личности.

1.1. Языковая личность и аспекты речевого портретирования

Понятие языковой личности впервые было использовано В. В. Виноградовым [Виноградов 1980], который исследовал язык художественной литературы «Логика развития понятий «образ автора» и «художественный образ», центральных в научном творчестве В. В. Виноградова, подвели исследователя к вопросу о соотношении в произведении» [Парсамова 2004: электр. ресурс] образа автора, художественного образа и языковой личности. Впервые описание конкретных языковых личностей также было выполнено В. В. Виноградовым (глава «Опыты риторического анализа» монографии «О художественной прозе») [Виноградов 1980]. У истоков теории языковой личности также стоят Г. И. Богин, представивший лингводидактическую модель языковой личности [Богин 1984], и Ю. Н. Караулов, разработавший концепцию языковой личности, определившую развитие целого научного направления в современной лингвистике [Караулов 1987].

Языковая личность понимается Ю. Н. Карауловым как «человек в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [Караулов 1987: 42]. Исследователь описывает языковую личность как «совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов), различающихся а) степенью структурно-языковой

сложности, б) глубиной и точностью отражения действительности и в) определенной целевой направленностью» [Караулов 1987: 245].

Уникальность языковой личности конкретного индивида заключается в специфическом сочетании социально-психологических особенностей её речевого поведения [Седов 2004: 7]. Языковая личность, будучи центральной фигурой коммуникации, является точка, в которой сходятся как ситуативно-прагматические факторы, так и индивидуально-авторские параметры речи. Современное языкознание все чаще рассматривает как объект своего изучения не только собственно языковую систему, но и субъекта, который это систему использует. Антропоцентрический подход к изучению языка выдвигает на первый план исследований *homo loquens* — «человека говорящего» [Караулов 1987: 42-43].

Языковая личность в освещении современной науки предстает как многослойный феномен, комбинация разнообразных умений и навыков речевого общения, совокупность языковых способностей и намерений к осуществлению тех или иных речевых поступков, которые могут быть классифицированы как по видам речевой деятельности, так и по уровням языковой системы. Обобщая направления изучения языковой личности (см, например, [Бирюкова 2012: 8]), ученые выделяют три основных:

- структурное [Богин 1984, Караулов 1987];
- коммуникативное [Сиротинина 1988, Кочеткова 1999 и др.];
- стратегическое [Залевская 1999 и др.].

В терминологическом аппарате лингвоперсонологии — науки, изучающей субъекта в его речевых проявлениях, — нет единства: активно функционируют разные термины. Частое использование термина «языковая личность» привело к тому, что «языковой личностью стали называть любую коммуникативную и языковую характеристику, выступающую отличительной особенностью текста, профессии, возраста, литературного произведения, стиля и т.д.» [Седов 2007: 7], термин стал терять семантическую емкость, и исследователями начали вводиться сходные

обозначения [Асташова 2013: 6]. Наравне с карауловским термином «языковая личность» используются такие терминологические сочетания, как «коммуникативная личность» [Стернин 2001], «речевая личность» [Клобукова 1995; Красных 1998; Прохоров 2003].

Так, языковая личность, взятая в контексте определенных условий общения, рассматривается как «коммуникативная личность», т.е. «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик 2002: 26]. При этом языковая личность представляется как «срединное звено между языковым сознанием — коллективным и индивидуальным активным отражением опыта, зафиксированного в языковой семантике, с одной стороны, и речевым поведением — осознанной и неосознанной системой коммуникативных поступков, раскрывающих характер и образ жизни человек, с другой стороны» [Карасик 2002: 100].

Под «речевой личностью» понимается «личность, реализующая себя в коммуникации, выбирающая и осуществляющая ту или иную стратегию и тактику общения, выбирающая и использующая тот или иной репертуар средств (как собственно лингвистических, так и экстралингвистических)» [Красных 2003: 51]. Ю.Е. Прохоров отмечает, что «если языковая личность — это парадигма речевых личностей, то, наоборот, речевая личность — это языковая личность в парадигме реального общения» [Прохоров 1996: 59].

По мнению В. В. Красных, термины «речевая личность» и «языковая личность» могут быть соотнесены с представлением А.А. Леонтьева о языке как способности» и «языке как предмете» [Леонтьев 1969]. При этом совершенно не охваченным остается третий аспект языка – функциональный («язык как процесс»). Именно этому аспекту описания языка «соответствует не языковая личность и не речевая личность, но личность, участвующая в коммуникации, т. е. коммуникативная личность» [Красных 2003: 50]. Таким образом, можно утверждать, что «каждый человек как «человек говорящий» в каждый момент своей речевой деятельности выступает как языковая

личность, речевая личность и коммуникативная личность» [Красных 2003: 51].

Появление подобных терминов обусловлено «отсутствием в определении Ю.Н. Караулова важной динамической (коммуникативной, дискурсивной) составляющей в структуре языковой личности» [Фесенко 2013: 74]. Языковая личность проявляет все свои особенности в процессе коммуникации, и, таким образом, языковая личность — «комплекс постоянно меняющихся личностных свойств, проявляющихся через тексты и отражающих мировосприятие, систему ценностей, мотивы речевого поведения человека, особенности его социального и культурного окружения, уровень образования и воспитанности, эмоциональное состояние и т.д.» [Там же].

Описание языковой личности ведется в разных аспектах: «построение модели структуры и типологии языковой личности, классификация языковых личностей по разным основаниям, описание целостного речевого портрета личности и т. д.» [Кишина, Пыхтина 2010: 99].

Разными исследователями выдвигаются на первый план различные наборы признаков, на основе которых выделяются типы языковой личности: от собственно языковых, до когнитивных, социальных, психоэмоциональных характеристик (см. работы Г. И. Богина, В. П. Нерознака, Ю. Н. Караулова, Н. Д. Голева, К. Ф. Седова и др.).

Например, К. Ф. Седов предлагает типологию языковых личностей, связанную с языковой компетенцией говорящего. В данной типологии выделяется три типа языковой личности (конфликтный, центрированный и кооперативный типы). Для конфликтного типа характерна установка против партнера, центрированный тип игнорирует коммуникативного партнера, а кооперативный коммуникант направлен на гармонизацию общения, проявляя уважение к собеседнику [Седов 2000: 300-307].

Так как в центре нашего описания будет находиться человек, реализующий себя в речевых произведениях, языковая личность, обратимся к

структуре языковой личности, предложенной Ю.Н. Карауловым. По его мнению, она состоит из трех уровней:

1. Вербально-семантический. Обеспечивает нормальное владение естественным языком. Единицы данного уровня: лексикон (вербальные сети) и грамматикон (грамматические модели);

2. Когнитивный. Упорядочивает картину мира; отражает иерархию ценностей языковой личности. Единица данного уровня: тезаурус (понятия, идеи, концепты, прецедентные тексты);

3. Прагматический. Содержит установки языковой личности в отношении пользователя языком. Единица данного уровня: прагматикон (цели, мотивы, интересы и намерения).

Трехуровневая модель языковой личности поддерживается идеей о трех уровнях процессов восприятия и понимания, которые оказываются равновеликими устройству языковой личности: мотивационный, тезаурусный и вербально-семантический уровень языковой личности накладываются на побуждающий, формирующий и реализующий уровни, выделяемые в процессе восприятия и понимания [Караулов 1987: 52].

На всех уровнях структура языковой личности формируется из определенных типовых элементов: «единиц данного уровня, отношений между ними и стереотипных их объединений, свойственных каждому уровню» [Караулов 1987: 52]. Единицы вербально-семантического уровня (слова, вступающие друг с другом в определенные отношения) охватывают «все разнообразие их грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических и ассоциативных связей» [Ушакова 1980: 149], а стереотипы представляют собой формульные словосочетания и предложения, которые выступают как своего рода клише.

На тезаурусном уровне в качестве единиц рассматриваются понятия, концепты, идеи, которые складываются в упорядоченную, отражающую иерархию ценностей картину мира [Рублик 2007: 100], которая и выражает отношения между единицами. Стереотипами когнитивного уровня являются

устойчивые стандартные связи между единицами языка, обладающими дескрипторным статусом. Эти связи находят выражение в пословицах и поговорках, афоризмах, крылатых выражениях, которые соответствуют устойчивым связям между понятиями в тезаурусе языковой личности и выражают тем самым «вечные» для данной языковой личности истины [Караулов 1987: 65-67].

Единицами мотивационного уровня являются «цели, мотив, интересы, установки и интенции личности» [Рублик 2007: 100]. Единицы данного уровня и отношения между ними обуславливаются сферой общения, спецификой коммуникативной ситуации и исполняемыми коммуникативными ролями. Эти отношения образуют устойчивую, традиционную сеть коммуникаций в обществе, однако проследить и описать её в полном объеме исключительно сложно. Стереотипами мотивационного уровня являются определенные символы, образы, знаки повторяющегося, прецедентного для данной культуры [Караулов 1987: 67-70].

Определим соотношение терминов *языковая личность* и *речевой портрет*. «Языковая личность как объемная модель, определяемая с позиций языкового сознания и речевого поведения, получает свою текстовую репрезентацию в виде речевого портрета. В лингвоперсонологии языковая личность является объектом речевого портретирования, в свою очередь, **речевой портрет** — один из жанров описания языковой личности» [Асташова 2013: 13]. По мнению ряда исследователей, «понятие речевого портрета в узком смысле соотносится с особенностями речевого поведения человека, в широком — с языковой личностью, прототипом носителя определенного языка» [Романова 2009: 117]. Таким образом, речевой портрет – это «совокупность личностно-коммуникативных языковых черт индивида, представленная в виде открытой модели, отражающей также и коллективное описание представителя какой-либо конкретной культуры, обладающего способностью к проведению аналитических операций» [Павлычева 2015: 114].

Т. П. Тарасенко определяет речевой портрет как «совокупность языковых и речевых характеристик коммуникативной личности или определенного социума в отдельно взятый период существования» [Тарасенко 2007: 8], то есть речевой портрет отдельной личности отражает ее характеристики: социальные, этнокультурные, возрастные, гендерные и др. [Лейко, Маслова 2012: 416].

Речевой портрет, т.е. «образ, который формируется у слушающего о говорящем в момент речи» [Еремина 2005: 66], является функциональной реализацией языковой личности в коммуникации, при этом «языковая личность и речевой портрет как лингвистические понятия соотносятся по линии абстрактности/конкретности, поскольку, рассматривая языковую личность, в первую очередь, стремятся определить ее структуру, выявить общее для всех личностей, владеющих языком. Обращаясь же к речевому портрету, ученые сосредоточивают свое внимание на индивидуальных чертах (при исследовании конкретной языковой личности) и чертах, имеющих групповой характер (при исследовании определенной социально-языковой общности)» [Бирюкова 2011: 29].

История термина «речевой портрет» связывается с именем известного лингвиста М. В. Панова, который выдвинул идею создания фонетического портрета [Панов 1990]. Концепция написания подобных портретов получила творческое осмысление в работах известных лингвистов: Т. Г. Винокур [Винокур 1989]; Т. И. Ерофеевой [Ерофеева 1990]; Е. А. Земской [Земская 1990]; М. В. Китайгородской и Н. Н. Розановой [Китайгородская, Розанова 1995]; Л. П. Крысина [Крысин 2001]; Т. М. Николаевой [Николаева 1991], К. Ф. Седова [Седов 1999]; В. Д. Черняк [Черняк 1994] и др.

Один из ключевых вопросов лингвоперсонологии заключается в том, какие уровни языковой системы, какие речевые характеристики нужно представлять в речевом портрете. Целесообразно согласиться с позицией Т. М. Николаевой, которая утверждает, что «многие языковые парадигмы, начиная от фонетической и кончая словообразовательной, оказываются

вполне соответствующими общенормативным параметрам и поэтому интереса не представляют. Напротив, важно фиксировать яркие диагностирующие пятна» [Николаева 1991: 73].

Таким образом, исследователь, использующий термин *речевой портрет*, «прежде всего, фокусирует свое внимание на способности языкового облика человека отмечать доминантные личностные смыслы» [Асташова 2013: 7].

В анализе индивидуального речевого портрета можно выделить три аспекта: лингвистический, социальный и поведенческий. «Лингвистический аспект представляет собой анализ лексикона, т.е. слов и словосочетаний, употребляемых говорящим, а также тезауруса, т.е. излюбленных оборотов речи, выражений, фраз, используемых личностью» [Бирюкова 2011: 30]. Социальный призван выявить психологические, статусно-ролевые и гендерные характеристики языковой личности. Поведенческий аспект направлен на исследование поведения личности на основе интерпретации его общекультурных представлений об общении, коммуникативной компетенции и интенций (особое внимание стоит уделить тому, какие черты имеют индивидуальный характер, а какие являются результатом социальной принадлежности личности) [Бирюкова 2011: 30].

В отношении объекта речевого портретирования «наблюдается расширение: от персоны к типажу и более широким общностям людей» [Асташова 2013: 16]. «Речь отдельного человека может содержать в себе черты, которые являются типичными для языковых привычек и особенностей данной социальной среды, и задача исследователя состоит в том, чтобы выявить эти черты и дать им соответствующую социолингвистическую интерпретацию, показывая, что они являются отражением речевых особенностей группы, в которую входит индивид» [Ярошенко 2010: 69]. Примером такой работы является собирательный портрет русского интеллигента [Крысин 2001]. Л. П. Крысин выявляет «яркие диагностирующие пятна» — «социально маркированные способы выбора и

употребления языковых средств и особенности речевого поведения» [Крысин 2001: 91]. Ученый выявляет принципы отбора языковых средств и их употребления, описывает особенности речевого поведения.

Т. М. Николаева предлагает создавать социолингвистические портреты на основе компонентов, позволяющих описать тактики речевого поведения: выбор тех или иных элементов или отказ от них, употребление их в речи в зависимости от ситуации и условий общения [Николаева 1991: 69].

В парадигме описания собирательного портрета находятся также исследования В. И. Карасика [Карасик 2002, 2003, 2007, 2012]: он положил начало новому направлению антропологической лингвистики — теории лингвокультурных типажей. Предметом исследования в таких работах являются «узнаваемые образы представителей определенной культуры, совокупность которых и составляет культуру того или иного общества» [Карасик 2007: 227].

О. И. Асташовой предложен комплексный анализ речевого портрета, в основе которого лежит трехуровневая модель языковой личности Ю. Н. Караулова, согласно которой «концептосфера, лексикон и прагматикон позволяют высветить индивидуальные признаки субъекта» [Асташова 2013: 131]. В этой модели когнитивный, стилистико-культурноречевой и коммуникативно-прагматический анализ речевого поведения политика «основаны на интерпретации связей текстового материала с жизненными факторами разной природы — ситуационными текущего момента, индивидуально биографическими и общенационально историческими, — определяющими индивидуальность портретируемого» [Асташова 2013: 131].

Таким образом, речевой портрет блогера можно описать исходя из данной модели языковой личности. На данном этапе исследования мы попытаемся представить все три уровня языковой личности: вербально-семантический, тезаурусный и мотивационный. Это определяет основные направления нашего описания: стилистическое, лингвокогнитивное и лингвопрагматическое.

1.2. Интернет-коммуникация и проблемы изучения виртуальной личности блогера

Интернет-коммуникация — один из новых источников материала для речевого портретирования. Современный человек все чаще использует жанры виртуальной коммуникации с целью самопрезентации, причем мода на жанры интернет-общения постоянно меняется: в последнее время блоги уступают по популярности микроблогам и социальным сетям. Смена жанровой палитры приводит к тому, что многие научные идеи, бывшие актуальными по отношению к интернет-коммуникации, устаревают или требуют пересмотра.

Так, в начале изучения коммуникации в Интернете активно исследовалась проблема анонимности общения и влияния этого обстоятельства на течение коммуникации. Особенности коммуникации в Интернете (собеседники не имеют возможности видеть друг друга) дают возможность пользователю формировать свой образ в глазах читающей аудитории. Анонимность общения в Интернете, действительно, обогащает способы самопрезентации личности: она может не просто создать о себе полное впечатление, но и позиционировать себя так, как захочет. В данной коммуникативной среде участники владеют минимумом информации друг о друге, но нуждаются в ней для создания успешной коммуникативной ситуации [Карасик 2002: 26].

В интернет-коммуникации человек часто создает себе так называемую "виртуальную личность", которая имеет особый способ номинации – ник (от "nickname" — псевдоним). Это имя, от которого коммуникант общается с аудиторией [Жичкина 1999: электр. ресурс]. Идентификация человека происходит на основе выбранного сетевого имени и информации, которую он сам о себе дает [Карасик 2002: 25]. Пользователи сети Интернет имеют возможность создать виртуальную личность, выдав себя за обладателя

атрибутов, на которые они не могут претендовать в действительности.

Виртуальная личность обладает следующими характерными чертами:

- 1) Бестелесность – редукция личности до ее текстовой реализации;
- 2) Анонимность – сокрытие реального имени;
- 3) Разнообразные типы идентификации – возможность присваивать виртуальной личности любой набор характеристик;
- 4) Множественность – возможность создания нескольких различных виртуальных личностей;
- 5) Автоматизация – использование компьютерных программ с целью полной или частичной симуляции активности виртуальной личности [Горный 2004: электр. ресурс].

Таким образом, в виртуальной коммуникации происходит трансформация языковой личности в силу того, что возникшая в конце XX века коммуникативная среда влияет на все аспекты речевого поведения интернет-пользователя. Е. Горный предлагает рассматривать такую виртуальную личность как творческую форму, как форму реализации поэтической стратегии самоизобретения.

В начале XXI века исследователи отмечали, что в общении в виртуальной среде меняется отношение языковой личности ко времени, модели коммуникации, приоритетам, в то же время некоторые параметры, игравшие значительную роль в непосредственной коммуникации, становятся неважными: внешность, пол, раса, национальность теряют значимость в виртуальном взаимодействии. Также стирается грань между личностно ориентированным и статусно ориентированным общением [Карасик 2002: 24-25]. Кроме анонимности основными особенностями общения в Интернете называли добровольность контакта, осложнение эмоциональной составляющей общения, стремление к нетипичному, ненормативному поведению, сильное влияние механизмов стереотипизации и идентификации [Виноградова 2004: электр. ресурс], также можно говорить о бесконечной возможности самопрезентации [Казнова 2009: 151]. Самопрезентация

мыслится как реализация виртуальной личности в виртуальной среде [Гермашева 2014: 37].

В новой коммуникативной среде перед человеком встает необходимость построения виртуальной личности, однако отсутствуют четкие стандарты, которые ограничивают авторскую свободу и таким образом служат ориентиром в коммуникативной деятельности, то есть перед человеком встает необходимость овладеть особой дискурсной компетенцией [Галичкина 2001: 67-68]. Это важнейшая составляющая коммуникативной компетенции, которая заключается в «овладении дискурсом как функциональным выбором и осуществлением определенных базовых для тех или иных коммуникативных ситуаций речевых и поведенческих реализаций» [Усачева: электр. ресурс]. Взаимодействие людей в глобальной электронной сети создало медиальную коммуникативную среду. В этой среде зарождаются, закрепляются и распространяются инновационные формы общения, постоянно пополняющие коммуникативный опыт социума [Галичкина 2001: 68-72]. Ученые отмечали, что практика электронной коммуникации обнаруживает недостаточное владение такой компетенцией.

Можно говорить о том, что речевая практика в интернет-пространстве позволила сформировать определенные правила речевого поведения «виртуальной» личности. Прежде всего, это правила, задаваемые жанровой формой. Обратимся к специфике изучаемого жанра.

Блог можно рассматривать как специфический жанр интернет-коммуникации, который часто отождествляется либо с дневниковыми записями, либо с жанрами СМИ [Crystal 2006: 240]. Однако нельзя отрицать того, что специфика виртуальной сферы общения определяет особенности бытующих в ней жанров. Блог приобретает новые черты, не свойственные ни дневнику, ни жанрам СМИ.

Дневник — форма повествования, которое ведется от первого лица; записанные реальными людьми сведения о текущих событиях своей жизни [Литературный энциклопедический словарь 1987: 752]. Особенностью

дневника является то, что дневниковые записи всегда современны фиксируемыми событиями. Специфика дневника как бытового письменного жанра — предельная искренность, достоверность, выражение своих чувств, как правило, без оглядки на чье-либо мнение. «Дневник — самый, наверное, странный жанр: автопортрет в запертой комнате. Вроде бы зрителей в нее пускать не принято, ибо грешно разрешать посторонним вход туда, куда и сам со временем начинаешь наведываться с опаской...» [Щеглова 1992: 260]. Исследователи, раскрывающие специфику и тональность жанра дневниковых записей, подчеркивают их интимный характер. Блог же является «открытым, публичным документом, который объединяет свойства личного и общественного» [Современный медиатекст 2011: 306]. Возникает понятие экстимного дневника, в котором интимность уступает место экстимности [Казнова 2011: 11].

Конечно, сближает блог с классическим интимным дневником презентация информации, носящей личный характер, которую обычно не представляют в живом общении, однако это характерно не для всех блогов. Принципиальным отличием между блогом и дневником является целевая аудитория: классический личный дневник не предназначен для чтения другими, скрывается от посторонних глаз, блог же изначально создан для самопрезентации перед неограниченной аудиторией, призван не только способствовать самовыражению блогера, но и устанавливать его связь с другими людьми. Кроме того, личный дневник подразумевает целостность записи, которая ограничивается хронологическими, личностными и идеологическими рамками: ведущий дневник пишет о том, что с ним произошло за определенный, заведомо конечный период времени. Блогосфера построена на обратном принципе относительной незавершенности текста и его последующего развития в сети через комментарии, читательские и авторские, с возможностью спонтанного коллективного завершения. У текстов блогосферы нет единого и безусловного автора, а есть автор темы, отправной позиции, реже

коммуникативной провокации, и «к его начальному авторству спонтанно и разнородно присоединяются соавторства других голосов в сети» [Силантьев 2011: 449-450].

По мнению исследователей и авторов сетевых дневников, блоги выполняют основные функции средств массовой информации (информационной и воздействующей функций). Кроме того, блоги обладают теми же особенностями, что и сетевые СМИ: гипертекстуальностью (системой связи между отдельными документами посредством гиперссылок), интерактивностью (прямым взаимодействием аудитории СМИ с редакцией) и мультимедийностью (сочетанием разных каналов передачи информации – вербального и невербального: аудиального, визуального). Однако не очень высокое качество излагаемой информации, отсутствие стопроцентной её достоверности, высокая доля субъективности, неточность формулировок, «упор на мнения, а не на факты, меньшая численность аудитории, непрофессионализм авторов» [Современный медиатекст 2011: 310] не позволяют отнести блог к СМИ. Отказывая блогам в статусе новых средств массовой информации, приверженцы этого мнения «проводят параллели между блогами профессиональных авторов и авторскими колонками» [Современный медиатекст 2011: 310].

Стоит отметить, что некоторые блоги совершенно не представляется возможным отнести к жанру интернет-СМИ, так как они не затрагивают политические и социальные темы, предпочитая описывать внутреннюю жизнь личности. Иными словами, тематика блогов охватывает обширный круг вопросов: досуг и профессиональная деятельность пользователя, его личные переживания и творчество, политические, социальные и культурные проблемы общества.

Исследователи блогов пришли к выводу, что содержание блога — самая важная его характеристика [Кожанова 2014: 161]. Несмотря на то, что обобщить содержание блогов сложно, В. Ю. Кожанова пытается классификацию, критерием которой становится тематика сетевых дневников.

В данной типологии выделяются информационные блоги (зачастую автор такого блога затрагивает острые социальные проблемы), политические блоги (посвящены обсуждению политической жизни общества и обычно ведутся политиком или журналистом), блоги – путевые очерки (авторы подобных блогов пишут в основном или только о своих путешествиях), развлекательные блоги [Там же].

Данная классификация охватывает только блоги, расположенные на платформе LiveJournal, при этом не упоминаются блоги, посвященные личной жизни автора, пиар-блоги, поэтому данную классификацию нельзя считать полной. Более того, блоги, будучи подвижными и интерактивными, «часто меняют жанры, подстраиваясь под специфику авторского восприятия того или иного события, рецепции блогов читателями и других факторов» [Кожанова 2014: 163].

Существует классификация блогов, связанная с личностью автора. Исследователи выделяют три типа: личный блог (ведется одним человеком, обычно владельцем блога, реже – наемным работником), социальный / коллективный блог (такой блог ведется группой авторов) и призрачный блог. В призрачном блоге неустановленный автор ведет журнал от чьего-либо лица и скрывается под маской придуманного индивида или известного лица [Кудряшов, Калашникова 2015: 28]. Представляется более целесообразным делить блоги на личные и коллективные по количеству авторов текстов одного блога и отдельно рассматривать вопрос о том, пишет ли блогер от собственного имени или скрывает свою личность.

Ученые выделяют следующие функции блогов:

1) Функция самопрезентации. Данная функция признается одной из важнейших функций блога. В сетевом дневнике у его автора есть возможность открыть для аудитории те грани своей личности, которые он считает важными для формирования представления о себе.

2) Функция развлечения. Блоги чаще всего содержат информацию, которая может быть интересна для широкой аудитории, может представлять собой развлекательное чтение.

3) Функция «сплочения и удержания социальных связей» [Волохонский 2007: электр. ресурс]. Ведение виртуального дневника может восстановить прервавшуюся в реальной жизни коммуникацию и даст возможность оперативно узнавать о жизни и мировоззрении знакомых.

4) Коммуникативная функция. Отмечается, что многие блогеры ведут и читают блоги ради общения с интересными им людьми (не только со знакомыми в реальной жизни).

5) Коммерческая функция. Популярность блогов привлекает в блогосферу производителей товаров и услуг, посредством сетевых дневников они могут распространять рекламу [Шарапова 2014: 167]. Отмечается существование класса дневников, которые предназначены для первой публикации произведений автора и стимулирования интереса к ним (к примеру, подобный прием наблюдается в блоге Бориса Акунина «Любовь к истории»).

6) Функция мемуаров. Блог может осознаваться как пространство, где концентрируются воспоминания блогера, которые могут быть востребованы в будущем. Таким образом, создается своеобразная отложенная коммуникация с самим собой.

7) Функция саморазвития. Ведение блога может стимулировать его автора к работе над собственной самопрезентацией. Публичность дневника мотивирует блогера учиться грамотнее выражать свои мысли, чтобы читатель мог лучше понять описываемые события.

8) Психотерапевтическая функция. Блог, по мнению самих авторов интернет-дневников, позволяет «выплеснуть эмоции», «сказать о наболевшем», «успокоить нервы» [Волохонский 2007: электр. ресурс].

«В онлайн-дневниках, как правило, доминирует стратегия самовыражения. <...> Создание виртуальной личности — пример

самоизобретения» [Горный 2004: электр. ресурс]. Данный термин — самоизобретение — пока не поддержан широкой научной общественностью, поэтому, говоря о самопредставлении субъекта в интернет-пространстве, мы будем использовать более традиционный термин «самопрезентация».

Некоторыми исследователями отмечается, что сетевые дневники крайне редко используются для создания так называемых фиктивных персонажей [Соколов 2007: электр. ресурс]. Изучаемый нами материал — блоги — позволяет говорить об определенной степени объективности формируемого образа автора дневника. В современной интернет-коммуникации потенциальная анонимность как ключевая характеристика, присущая автору и адресату в Интернете, подвергается переосмыслению: современные технологии позволяют опознать, отследить участника коммуникации и привлечь к ответственности за противоправные деяния, если таковые имели место. В то же время кодовая раскрепощенность подвергается коррекции непоследовательно: законы, регулирующие пространство Интернета, не оказали значительного влияния на признаки интернет-письма, таким образом, потенциальная анонимность коммуникантов «определяется отсутствием установки на обязательное знакомство с собеседником, а специфика речевого поведения становится важнейшим средством авторизации (самоидентификации) коммуниканта в пространстве Интернета» [Данилов 2014: 115-116], что дает нам возможность обратиться к теории виртуальной личности.

Создаваемая в блоге картина жизни проходит читательский тест на правдивость, при этом ложь относительно каких-либо фактов имеет высокие шансы быть раскрытой, так как в большинстве сетевых дневников содержатся сведения, позволяющие «разоблачить» автора: место работы или учебы, фотографии, а также указания на дневники людей, с которыми блогер знаком лично и которые выступают гарантом правдивости содержания блога. Исключение составляют те дневники, в которых все детали жизни автора вымышлены и читателями которых становятся незнакомые им люди

[Соколов 2007: электр. ресурс]. Такие блоги — нечастое явление, так как требуют больших усилий в процессе ведения дневника и поддержания легенды. Отсутствие доказательств искренности блогера может привести аудиторию к желанию разоблачить автора, так как расценивается как попытка манипуляции.

Представляется, что блог, как и другие типы персональных страниц, предоставляют новые возможности для презентации собственной идентичности [Курчакова 2007: электр. ресурс]. В то же время существуют различные точки зрения на то, насколько самопрезентация в блогах соответствует реальной личности пользователя, насколько самопрезентация является сознательным конструированием образа, может ли самопрезентация в сетевых дневниках являться в некоторой степени спонтанной, сохраняющей стилевые характеристики личности.

Под **самопрезентацией** мы будем понимать стратегию речевого поведения, направленную на формирование образа своей личности в системе внешних коммуникаций с помощью вербальных и невербальных знаков.

Принято считать, что «потребность в общении, принятии и признании — это одна из самых значимых человеческих потребностей, она и предопределяет значимость формирования благоприятного впечатления о себе, которое во многом способствует социальной успешности человека» [Пикулёва 2004: 3]. В ситуации межличностного взаимодействия человек является субъектом самопрезентации вне зависимости от того, осознаны ли его речевые поступки. Информация о себе может быть предъявлена собеседнику «посредством символических знаков (внешнего вида, окружающего пространства и др.), вербального и невербального поведения» [Пикулёва 2004: 3]. Представляется, что в виртуальном взаимодействии с массовым адресатом символические знаки также важны.

Проблема формирования благоприятного впечатления значима для каждого человека, независимо от его возраста и статуса. Одним из ключевых мотивов самопрезентации становится стремление к достижению жизненного

успеха и общественного одобрения. «Наличие целеполагания и замысла, независимо от формы его существования, лежит в основе осознанности речевого поведения и формирования интегративности текста» [Борисова 2001: 144]. Представляется, что целевая установка на формирование собственного образа присуща всем авторам блогов. При этом, по мнению многих исследователей, «не все самопрезентационное поведение предназначено для предъявления социально одобряемой идентичности» [Пикулёва 2004]. В некоторых случаях люди могут сознательно проявлять в общении речевые характеристики, которые не одобряемы обществом (например, агрессивность или слабость), однако достигать с помощью этого определенных целей.

Говоря о виртуальном общении, мы можем, вслед за О. С. Иссерс, соотнести понятие самопрезентации с понятием «имидж» [Иссерс 1999: 194]. **Имидж** — это «стереотип человека, закрепившийся в массовом сознании» [Паршина 2005: 64], «обобщенный портрет личности, создающийся в представлении общественности на основании заявлений и практических дел личности» [Романова 2009: 109]. Он формируется только в том случае, «когда носитель имиджа становится "публичным", то есть когда есть субъекты его непосредственного или опосредованного восприятия» [Романова 2009: 109]. По сути, «имидж представляет собой обращенное вовне “Я” человека, так называемое его публичное “Я”. Люди как бы покрыты определенным коммуникативным ограждением в виде публичного “Я”, за которым иногда может скрываться иное “Я”» [Почепцов 2000: 545].

Имидж определяется как «долговременная инициативная коммуникативная роль, которую «играет» человек для достижения популярности, завоевания внимания, поддержания интереса к личности, получения выборной должности и т.д.» [Романова 2009: 117]. И. А. Стернин для обозначения долговременной коммуникативной роли использует термин «коммуникативный имидж» [Стернин 2001: 100]. Коммуникативный имидж связан с внешним и поведенческим имиджем. Важная составляющая

коммуникативного имиджа — это автоимидж. Этот термин называет одну из составляющих понятия «имидж». Автоимидж может быть интерпретирован как «образ, сложившийся в сознании индивида, отражающий представления личности о своем собственном “Я”» [Романова 2009: 110], как «национально и гендерно маркированный образ “Я”, сложившийся в сознании индивида как собственно личности, так и представителя института» [Даулетова 2004: 199-205]. Будучи составляющей понятия «имидж», автоимидж имеет свою уникальную структуру (3 компонента: «собственно Я», «Я со стороны» и «Я идеальное») [Романова 2009: 110].

В целом под имиджем понимается целенаправленно создаваемое представление, наделяющее представление о человеке «дополнительными ценностями (человеческими, нравственными), что, собственно, и способствует более эмоциональному его восприятию» [Паршина 2005: 65]. Для интернет-коммуникации это особенно важно, поскольку собеседники в рамках опосредованного межличностного общения домысливают себе образ своего визави, опираясь на его речевое поведение, а также невербальные составляющие коммуникации (оформление блога, выбор шрифта и др.). При этом именно лингвистические средства служат базой для конструирования имиджа [Иссерс 1999: 194].

Существует два способа самопрезентации: первый заключается в акцентировании специфических особенностей собственной личности, второй — в выборе для себя роли (или ролей) и соответствующей речевой «маски». Эти два способа восходят к античным понятиям *Ethos* и *Persona*. *Ethos* формирует доверие к автору, который предполагается как реальный. *Persona* целенаправленно моделирует роль, которую автор считает подходящей для аудитории. Оба механизма самоподачи социально обусловлены и требуют приспособления дискурса к аудитории: знакомая аудитория требует, чтобы самопрезентация определялась реальными качествами личности, т.е. была искренней, а незнакомая позволяет конструировать образ автора [Иссерс 1999: 196]. Представляется, что в рамках интернет-общения оба механизма

самоподачи взаимодействуют: моделируемая «виртуальная личность» опирается на реальные речевые и поведенческие особенности интернет-пользователя, но свободно, подчиняясь конкретному коммуникативному заданию, наращивает на них новые и новые пласты. При этом «доминанта имиджа идентифицирует ролевое поведение и определяет и другие его составляющие. Факультативные составляющие имиджа придают ему объемность, достоверность модели личности, т.к. доминанта не обеспечивает восприятия личности как реальной, нужны специфические черты и краски, придающие портрету сходство с оригиналом)» [Иссерс 1999: 198, 201]. О.С. Иссерс утверждает, что лингвистические средства служат базой для конструирования имиджа, а построение имиджа можно рассматривать как коммуникативную стратегию [Иссерс 1999: 194]. Следовательно, можно рассматривать явление самопрезентации в стилистическом и лингвопрагматическом освещении.

Соотношение двух способов конструирования имиджа в самопрезентации блогера зависит от коммуникативных целей автора и от его социального статуса. Исследователи отмечают, что есть особая разновидность блогов, принадлежащих, как правило, известным персонам и не содержащих сведений об их жизни (данные дневники предоставляют хронику творческих исканий или комментарии на события политической или культурной жизни), однако доля блогов такого типа крайне невелика [Соколов 2007: электр. ресурс]. Представляется, что блог в данном случае ведется для поддержания уже созданного имиджа. Однако есть значительно больше дневников, которые ведутся непубличными персонами, которые выбирают для себя определенную маску и от лица этой маски конструируют публичные высказывания. В данном случае автор блога может формировать свой образ, не опираясь на пресуппозицию, фоновые знания о себе, которые может иметь аудитория.

В рамках нашего исследования мы обратимся к описанию речевого портрета общественного деятеля Евгения Ройзмана, ведущего блог «Сила в правде» в Живом Журнале.

Выводы по 1 главе

Термины *языковая личность* и *речевой портрет* тесно связаны друг с другом и всесторонне рассмотрены в рамках лингвоперсонологии. В работах по изучению языковой личности как человека в его способности воспринимать и порождать речь сложилась трехуровневая модель, которая отражает когнитивные, прагматические и индивидуально-речевые особенности языковой личности. Речевой портрет становится жанром описания языковой личности.

Такие особенности коммуникации в сети Интернет, как анонимность и мультимедийность, накладывают отпечаток на изучение языковой личности в блогосфере. Получая бесконечную возможность самопрезентации, блогер может создать виртуальную личность, не соответствующую реальной, однако исследователи отмечают, что значительные несоответствия раскрываются аудиторией и негативно ею оцениваются. Блогер, который широко известен своей деятельностью за пределами интернет-пространства, скорее всего будет с помощью такого инструмента коммуникации, как сетевой дневник, поддерживать или корректировать собственный имидж, сложившийся в сознании общества. Очевидно, что блоги, авторы которых являются общественными деятелями, приобретают черты PR-блога.

Глава 2. Лингвокогнитивная специфика речевого портрета блогера Е. Ройзмана

2.1. Теоретические предпосылки исследования когнитивного уровня

Анализ когнитивного уровня языковой личности общественного деятеля предполагает выявление ключевых концептов индивидуальной картины мира, которые отражают особенности профессиональной деятельности, находящие репрезентацию в интернет-пространстве и вербализованные «теми языковыми средствами, которыми автор пользуется для описания мира» [Пименова 2011: 91]. Под ключевыми концептами мы понимаем концепты, «занимающие чрезвычайно важное место в системе ценностных представлений, в духовном мире ... отдельной личности» [Сковородников 2011: 244].

Впервые термин «концепт» употребил С.А. Аскольдов-Алексеев, обозначая им «мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода» [Аскольдов-Алексеев 1928: 28]. Д.С. Лихачевым отмечался обобщенный характер этой мыслительной единицы, отражающей и интерпретирующей явления действительности в зависимости от профессионального, социального и личного опыта носителя языка. Концепт, по мнению ученого, – это результат комбинации усвоенного, объективного значения с личностной интерпретацией, возникающей на основе жизненного опыта [Лихачев 1993: 3-9].

В дальнейшем определение концепта неоднократно уточняется. Для Е. С. Кубряковой концепт – это «оперативная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга, всей картины мира, квант знания» [Кубрякова 1996: 90-92]. З. Д. Попова и И. А. Стернин понимают концепт как «дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно

упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [Попова, Стернин 2007: 34]. Концепты в случае коммуникативной необходимости вербализуются «целым комплексом языковых средств, систематизация и семантическое описание которых позволяют выделить когнитивные признаки и когнитивные классификаторы, которые могут быть использованы для моделирования концепта» [Попова, Стернин 2005: 8-9].

По мнению воронежских ученых, концепт имеет определенную нежесткую структуру, внутренне организован по полювому принципу и включает в себя чувственный образ, информационное содержание и интерпретационное поле. В структуру концепта входят когнитивные классификаторы и объединяемые ими когнитивные признаки, «которые различаются по степени яркости в сознании их носителей и упорядочиваются в структуре концепта по полювому признаку» [Попова, Стернин 2005: 9]. По Ю. С. Степанову, в структуру концепта входит не только понятие, но и то, что делает его культурно значимым фактом культуры: исходная форма, сжатая до основных признаков содержания, исторические и современные ассоциации, оценки [Степанов 2001: 43].

В современной лингвистике термин «концепт» обозначает одну из форм репрезентации знаний о мире с позиций когнитивной семантики, однако сейчас одновременно существуют разные термины, называющие явления, репрезентирующие знания о мире: концепт в трудах Н. Д. Арутюновой, Д. С. Лихачева, Ю. С. Степанова, мифологема у В. Н. Базылева, лингвокультурема у В. В. Воробьева, логоэпистема в работах Е. М. Верещагина, В. Г. Костомарова [Крюкова 2008: 129].

В лингвокогнитивной концептологии концепт обозначает моделируемую лингвистическими средствами единицу национального

когнитивного сознания [Попова, Стернин 2005: 10]. «Концепт – основная ячейка культуры в ментальном мире человека» [Степанов 2001: 43]. Концептосфера (т.е. совокупность концептов) народа воплощается в языке, что позволяет говорить о существовании языковой картины мира – «зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития народа, представление о действительности, отраженное в значениях языковых знаков, языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенная в системных значениях слов информация о мире» [Попова, Стернин 2007: 54]. Изучение языковой специфики воплощения концепта позволяет смоделировать и описать определенный участок концептосферы носителя языка.

Концепт также можно рассматривать как вербализованный культурный смысл, тогда он «является лингвокультурным концептом – семантической единицей «языка» культуры, план выражения которой представляет двусторонний языковой знак, линейная протяженность которого ничем не ограничена». Отмечается, что отличительный признак лингвокультурного концепта – это его этнокультурная отмеченность [Воркачев 2005: 11].

В. И. Карасик и Г. Г. Слышкин выделили десять базовых характеристик лингвокультурного концепта: комплексность бытования, ментальная природа, ценностность, условность и размытость, изменчивость, ограниченность сознанием носителя, полиапеллируемость, многомерность, методологическая открытость и поликлассифицируемость [Карасик, Слышкин 2005: 13-15].

Для нашего исследования важно, что концепт существует не только в коллективном, но и в индивидуальном сознании. Индивидуальные концепты богаче и разнообразнее коллективных, так как коллективные опыт и сознание редуцируют уникальное в персональном опыте и суммируют совпадения. Для анализа значимых когнитивных смыслов в рамках модели речевого портрета конкретного человека – известного общественного деятеля –

принципиальным является выделение ценностно значимых для личности концептов, в которых возможна динамика образной или понятийной составляющей.

2.2. Лингвокогнитивный анализ блога Е. Ройзмана

В практической части данной главы будет представлена попытка описания концептосферы блогера-общественного деятеля: прежде всего будут выделены ключевые концепты и средства их языковой репрезентации, представленные в записях блога Е. Ройзмана «Сила в правде», а также зафиксирована динамика в концептосфере блогера.

Лингвокогнитивный анализ блога Е. Ройзмана был начат с осмысления текстов, находящихся в сильной позиции: заголовок блога, заголовки записей, система ссылок. Предварительно выявленные значимые когнитивные смыслы далее исследуются на материале текстов блога, что позволяет выявить индивидуальную интерпретацию концептов и составить представление о мировоззрении блогера в тот или иной период.

Наше исследование показывает, что концептосфера в блоге Евгения Ройзмана может быть представлена как система аксиологически осмысленных оппозиций парных концептов, среди которых наиболее значимыми являются оппозиции *правда – ложь*, *свой – чужой*, *помощь обществу – антиобщественная деятельность*. Социальный статус блогера и тип его деятельности определяют степень проработанности той или другой стороны бинарной оппозиции.

2.2.1. Оппозиция *правда – ложь* в блоге Е. Ройзмана

Концептуальная пара *правда – ложь* задается названием блога Е. Ройзмана – «Сила в правде». Этот оборот отсылает нас к культовому кинофильму «Брат-2», в котором звучит следующий монолог главного героя:

*«Вот скажи мне, американец, в чём сила? Разве в деньгах? Вот и брат говорит, что в деньгах. У тебя много денег, и чего? Я вот думаю, что **сила в правде**. У кого правда— тот и сильнее. Вот ты обманул кого-то, денег нажил. И чего, ты сильнее стал? Нет, не стал. Потому что правды за тобой нет. А тот, кого обманул, за ним правда, значит, он сильнее».*

Этим монологом герой фильма утверждает превосходство духовных ценностей над материальными, оценивает обман как нечто недостойное и низкое, а правду как мерило человеческого достоинства и чести. Отсылка к данному высказыванию в названии блога говорит о том, что Е. Ройзман разделяет данную позицию, а правда для него является одним из важнейших концептов.

Опишем понятийное наполнение концепта, обратившись к словарному толкованию.

Правда – 1. То, что существует в действительности, соответствует реальному положению вещей; 2. Справедливость, честность, правое дело; 3. То же, что правота (разг.) [СОШ 2006: 576].

В словарной дефиниции отражается национальное представление о правде, которое включает в себя культурно значимые представления как об истине, так и о справедливости, а также о стремлении добиться справедливости – правдоискательстве [Бердяев 1990: электр. ресурс].

В записях блога само имя концепта *правда* встречается не очень часто, однако используется оно в важных для блогера заявлениях и чаще всего в оппозиции с именем концепта *ложь*:

*«Но еще больше мои тексты не понравились его жене Филатовой. Она стала регулярно писать на меня заявления и вот написала очередное. Уже в ГУ МВД по Свердловской области. Она для них находка. Социально близкая. Её заделали тексты "Охренеть" и "Про собачку". Сегодня меня снова вызвали и я отказался давать показания. Из этого дела ничего не высосать, тем более, что они тоже знают, что **там все правда**.*

Для тех, кто понимает напому - за ложь не преследуют. Преследуют за правду»¹ (Запись «Еще раз про собачку» от 2 июля 2014 года).

В данной записи актуализируется представление о правде как об истине, ложь (как 'намеренное искажение истины; неправда, обман' [БТС 2014: электр. ресурс]) противопоставляется правде, а автор представляет себя субъектом, несущим в мир правду («там все правда») и подвергаемом за это гонениям («преследуют за правду»). Ройзман представляет себя носителем правды, «образцовым человеком, за которым можно следовать по внутреннему побуждению» [Степанов 2001: 443].

«И у меня есть большое желание дать крупные фотографии этих трех начальников, поставить рядом с ними фотку известного наркоторговца Назира Салимова, пару серьезных золотозубых цыганских барыг типа Мамы Розы и Таньки Морозовской - в один ряд, подписать все фамилии, клички, звания и должности, и сказать: эти люди ненавидят маленькую народную организацию "Город без наркотиков" и делают все возможное, чтобы ее уничтожить. И я могу себе это позволить, потому что это правда, и потому что я их не боюсь. А дальше книга выйдет тиражом сто тысяч экземпляров, и это будут знать все. И пусть потом к зеркалу стесняются подходить» (Запись «Соблазн» от 20 февраля 2014 года).

Формируется представление о правде как этическом абсолюте, оправдывающем любые поступки на благо социума. Правда, по мнению Ройзмана, является инструментом восстановления общественной справедливости. Именно обнародование правды ведет к обличению деятельности людей, мешавших фонду «Город без наркотиков», т.е. приближает их к наказанию – процедуре морального общественного порицания.

¹Орфография и пунктуация автора сохранены.

По нашим наблюдениям, гораздо чаще в блоге Е. Ройзмана встречаются языковые единицы, репрезентирующие концепт *ложь* (*ложь, лгать, лживый, ложный* и др.). Использование этих единиц обусловлено установкой общественного деятеля на разоблачение пороков. Разоблачение осмысливается им как раскрытие чьей-то лжи, тайных замыслов, злоупотреблений, т.е. является процедурой, способствующей торжеству правды и справедливости.

«Шантаж, угрозы, ложь, - уголовщина, причем, всегда чужими руками и от чужого имени» (Запись от 7 сентября 2013 года).

В данном высказывании *ложь* ставится в один ряд с серьезным противоправным действиям (*уголовщина* – уголовное дело, уголовное преступление [БТС 2014: электр. ресурс]), то есть оценивается крайне негативно.

«-Жека, эти дебилы на меня в суд подали за клевету!

- А что ты такого сказал? - спрашиваю.

- Сказал, что "Вечерний Екатеринбург" самая лживая газета в мире».

(Запись от 3 июня 2006 года)

Прилагательное *лживый* (в значении ‘склонный ко лжи, говорящий ложь’ [БТС 2014: электр. ресурс]) в превосходной степени используется для усиления указанной характеристики и для выражения крайне негативной оценки деятельности редакции газеты «Вечерний Екатеринбург». Анекдотичность ситуации (газета, названная лживой, подает в суд за клевету) получает оценочную интерпретацию из уст героя записи, который характеризует своих обидчиков с помощью вульгаризма *дебилы*.

«Дело это сфальсифицировано от начала и до конца и выстроено на ложных доносах людей, зависящих от губернатора Свердловской области Куйвашева, инициатора преследования, и имеющих за собой непонятно как закрытые грязные криминальные истории» (Запись «Не сломать» от 2 июля 2013 года).

Слова *ложный* (со значением ‘содержащий ложь, обман; намеренно искажающий действительность’ [БТС 2014: электр. ресурс]) и *сфальсифицировано* (со значением ‘подделанное, искаженное с целью выдать за подлинное, настоящее’ [БТС 2014: электр. ресурс]) описывают несправедливую ситуацию, в которую попала журналистка Аксана Панова. Субъекты, распространяющие ложь, относятся Ройзманом к категории преступных элементов, которые с помощью лжи избегают наказания. Формируется представление о лжи как порочной практике, в которую вовлечены властные структуры высокого ранга.

«Когда человек **врет**, он никак не может запомнить, что **врал** в прошлый раз. Смотрите, как **мерзко** выглядят **лжедоносчики**» (Запись «Лжедоносчики» от 9 декабря 2013 года).

Врать (разг.) – говорить неправду; сочинять небылицы; лгать, обманывать [БТС 2014: электр. ресурс]. Лексическая единица *лжедоносчики* в словарях не фиксируется, однако обе части слова называют явления, отрицательно оцениваемые в русской культуре (в данном высказывании оценка поддерживается с помощью наречия *мерзко* в значении ‘подло, бесчестно, гнусно’ [БТС 2014: электр. ресурс]).

«А я считаю, что когда ты видишь, что тебя **оболгали** и пытаются уничтожить, и когда точно знаешь, что ничего этого не делал и тебе известны все заказчики, только так и можно себя вести». (Запись «Завтра приговор по Аксане» от 8 января 2014 года)

Глагол *оболгать* (‘оклеветать, оговорить’ [БТС 2014: электр. ресурс]) используется для описания действий политических оппонентов Е. Ройзмана. Ложь представлена как орудие уничтожения невинного человека.

Концептуальная оппозиция *правда* – *ложь* актуализируется в основном при описании конфликтных ситуаций, в которых действия блогера и его круга приближенных оцениваются положительно, а оппоненты подвергаются разоблачению как лжецы.

Стоит отметить, что после назначения Евгения Ройзмана на пост мэра города Екатеринбурга данная оппозиция всё реже и реже отражается в записях: от открытой конфронтации с лжецами-противниками блогер постепенно переходит к описанию проблем горожан, к констатации правдивых фактов, т.е. к тому, что «действительно произошло, происходит, существует» [СОШ 2006: 847]. Вот, например, типичные записи последних двух лет:

«А потом зашла Лариса, у нее муж умер. Четверо детей осталось. Старшему – десять, младшему – год и четыре. Раздавлена. Будем помогать» (Запись «Прием» от 30 апреля 2015 года).

«Потом пришла бабушка. Внук умирает. Весит уже 30 кг. Диагноз поставить не могут. Хороший парень, продолжает учиться, сопротивляется. Будем связываться со всеми фондами, посмотрим, чем помочь» (Запись «Прием» от 25 сентября 2015 года).

Тексты все реже наполняются полемическим зарядом: героями записей Ройзмана становятся горожане, простые люди, которые приходят к нему на прием, чтобы решить свои проблемы. Достаточная детализация в описании сложившейся трудной ситуации обеспечивает правдивость повествования.

Сам блогер как до, так и после вхождения во власть выступает в роли правдоискателя – ‘человека, добивающегося правды, справедливости’ [СОШ 2006: 576], так как его общественная деятельность как руководителя фонда и мэра города направлена на достижение социальной справедливости и формирование достойного общества. В подобном обществе нет места этически неприемлемым явлениям, таким как ложь.

2.2.2. Оппозиция *свои* – *чужие* в блоге Е. Ройзмана

Противопоставление своих и чужих пронизывает всю культуру, является важным элементом любого коллективного, массового, национального мироощущения [Степанов 2001: 126]. Однако и для любого

индивидуума эта оппозиция становится важна, поскольку так или иначе оказывается вписан в общественные отношения.

Свой – относящийся к себе как члену какого-либо коллектива, общности; связанный отношениями родства или общим местом работы, социальным положением, взглядами, вкусами и т.п. Чужой – не связанный близкими отношениями с кем-либо, не совпадающий по духу, взглядам, интересам [БТС 2014: электр. ресурс].

Оппозиция *свой – чужой* традиционно приобретает аксиологическое осмысление: *свой* осознается как хороший, *чужой* как плохой. Именно традиционную реализацию названных концептов мы обнаруживаем в записях блога Евгения Ройзмана, где четко прослеживается разделение общества на своих и чужих.

«Вообще-то Фонд в городе любят. Людей же не обманешь. Есть и те, которые нас люто ненавидят. Наркоторговцы таджики, цыгане и руководство ГУВД Свердловской области» (Запись от 6 февраля 2006 года).

Фонд «Город без наркотиков» и город мыслятся блогером как *свои*, а к категории *чужих* им относятся те, кто вредят обществу, распространяя наркотики, те, кто находятся у власти, но не помогают обществу.

Представление о *своих* в текстах блога практически не меняется с течением времени: это работники фонда «Город без наркотиков», честные, достойные жители города Екатеринбурга, в том числе «команда», с которой работает общественный деятель (в этом отношении показательна частотность местоимений *мы, наши* как сигналов коллективного субъекта – носителя положительных качеств).

«И я понимаю за что нас любят и уважают в нашем городе. Мы честно заслужили уважение людей» (Запись «Обращаюсь ко всем путевым парням нашей Родины» от 6 августа 2013 года).

«Стоял сейчас у Фонда, все кто идут, здороваются, улыбаются, машины сигналият, люди из троллейбусов руками машут, вот мне вроде и полегче» (Запись «Мой город» от 30 августа 2013 года).

«Как правило, встречи хорошие, и люди достойные, и вопросов очень много. Вникаю» (Запись «Горожане» от 21 августа 2013 года).

Показательно, как описывается в приведенных контекстах отношение простых горожан к Ройзману, его фонду и его деятельности на посту мэра: используются глаголы со значением положительного чувства: *любить, уважать*; глаголы со значением проявление положительного отношения к субъекту: *здороваются, улыбаются, сигналият, машут*.

Выделяются признаки, характеризующие своих: честность, достоинство. Например, о Евгении Маленкине он пишет: *«Маленкин - честный человек и вел себя достойно. Маленкин делал свое дело и спас тысячи людей»* (Запись «Завтра вынесут приговор Жене Маленкину» от 8 апреля 2015 года).

Представление о чужих, наоборот, подвергается изменениям в зависимости от того, в конфликт с какими силами вовлечен Евгений Ройзман. Например, в записях 2005 – 2010 годов блогер часто пишет о том, что цыгане и таджики распространяют наркотики. Этнически чужие, они становятся чуждыми городу и этически, так как наносят ему вред:

«Цыгане эти (Ющенко, Яловские, Ивановы, Николаевы, Боровиковы, Метлицкие и др.) когда-то приехали из Казахстана. Торгуют наркотиками все. Ничего больше не умеют и не хотят. Ходят в церковь. Свечки ставят за удачную торговлю. Горячо молятся. Людоеды» (Запись от 24 октября 2008 года).

«Эхо Москвы в Екатеринбурге с удовольствием тему подхватило и предоставили эфир какому-то Фаруху Мирзоеву, из какого-то общества таджикской культуры. Не тот ли это Фарух, который с момента своего приезда представлял интересы наркоторговцев? И не у него ли некоторые нарколыги покупали героин напрямую?<...> Удивительные люди. Они заваливают Россию героином и жалуются, что их не любят» (Запись от 9 июля 2008 года).

Позже представление о чужих меняется: в их круг включаются и местные жители, которые торгуют наркотиками:

«Кто бы не был наркоторговец: таджик, цыган, местный - он людоед» (Запись «Объясняю» от 19 октября 2010 года).

Стоит отметить, что вне зависимости от динамики образа чужих они оцениваются резко отрицательно. Показательна в этом отношении их метафорическая номинация *людоеды*, указывающая на самый варварский способ уничтожения других людей.

Чужими становятся представители власти, однако только те, кто конфликтует с Е. Ройzmanом:

«Впервые столкнулся с такой подлой, мелкой и злобной властью. <...> Такой власти приезжих временщиков мой город еще не видел». (Запись от 7 сентября 2013 года)

Прилагательные *подлая* ('бесчестная, низкая'), *мелкая* ('ничтожная, низменная'), *злобная* ('наполненная злобой, враждой') выражают крайне негативное отношение к представителям власти. Лексема *временщики*, означающая людей, оказавшихся у власти случайно, временно, не заботящихся о пользе дела, о будущем [БТС 2014: электр. ресурс], указывает на некомпетентность представителей правящих кругов. Определение *приезжий* подчеркивает статус чужого, который присваивается Ройzmanом политическим противникам.

«У нас в Свердловской области губернатор - неместный. Начальник полиции - пришлый. И прокурор - приезжий. Никто из них здесь корни пускать не собирается. Каждый мечтает перебраться в Москву. Каждый назначен сюда указом президента. В указах этих ничего не говорится о том, что назначенец обязан любить наш город, вкладывать в него свою душу и энергию» (Запись «Месседж» от 4 августа 2012 года).

Ройzman отмечает равнодушие властей по отношению к городу, их чуждость. Все названные чиновники неместные (ряд определений: *неместный, пришлый, приезжий*), что автоматически делает их чужими.

Поведение политиков, которые не радеют за Урал, очевидно, усугубляет это негативное изображение в записях блога Ройзмана.

«Целая война была. И не наркоторговцы против нас воевали, а власть пыталась уничтожить. И ради того, чтобы нас не было, не стесняясь, брали в союзники наркоторговцев, нарколыг и просто конченных подонков. <...> Руководили всем процессом трое приезжих начальников, люди недалекие, самолюбивые и беспринципные». (Запись «Соблазн» от 20 февраля 2014 года)

Конфликт с властями блогер метафорически описывает как войну, что подразумевает четкое разделение на своих и чужих, на хороших и плохих, на людей, отстаивающих правое дело, и тех, кто преследует дурные цели. Е. Ройзман подчеркивает то, что инициаторы конфликта – приезжие, чужие, чьи нравственные качества сомнительны: *недалекий* – не очень умный, ограниченный, *самолюбивый* – обладающий обостренным самолюбием, *беспринципный* – не имеющий моральных принципов, убеждений [БТС 2014: электр. ресурс]. Кроме того, отторжение у честного блогера вызывает и тот факт, что данные представители власти готовы сотрудничать с теми, кто вызывает общественное порицание (*«наркоторговцы, нарколыги, конченные подонки»*).

Оппозиция *свои – чужие* активизируется в блоге Е. Ройзмана в периоды борьбы общественного деятеля с чем-либо или кем-либо. Борьба с наркоторговлей и конфликты с представителями государственной власти повлияли на четкое разделение своих и чужих в текстах блога, однако после назначения на пост мэра города Екатеринбурга данная оппозиция становится менее актуальной для Ройзмана и гораздо реже находит отражение в постах. В зоне внимания блогера все чаще оказываются *свои* – простые достойные горожане, которые нуждаются в помощи.

2.2.3. Оппозиция *помощь обществу* – антисоциальная деятельность в блоге Е. Ройзмана

Данная оппозиция тесно связана с общественной деятельностью Евгения Ройзмана: пятнадцать лет он участвовал в работе фонда «Город без наркотиков», был депутатом Государственной думы Российской Федерации, в настоящее время является мэром города Екатеринбурга.

До 2014 года Е. Ройзман активно освещал в блоге деятельность фонда «Город без наркотиков» (борьба с наркоторговлей, реабилитация наркоманов, антинаркотическая пропаганда):

«И вот, при полном отсутствии бюджетного финансирования, при полной законодательной и социальной незащищенности, без поддержки власти, а, зачастую, и при противодействии, "Город без наркотиков" - самая мощная в России общественная организация по борьбе с наркотиками, работающая на уровне силовых структур, но с более высоким КПД» (Запись «2011 год. Отчет Фонда «Город без наркотиков» от 28 декабря 2011 года).

На протяжении нескольких лет блогер публиковал отчеты о работе организации, в которых описывал все проведенные операции:

«С Орджоникидзевскими на Уралмаше хлопнули наркоторговца Диму Волкова, по прозвищу "Волчара". Сидит» (Запись «Отчет по работе с 14.06 по 26.07» от 27 июля 2009 года).

«Больше пяти тысяч операций против наркоторговцев, тысячи спасенных людей. Не вижу, кто за меня это будет делать» (Запись «Поговорили» от 12 июля 2012 года).

В отчетах о работе организации редко встречается вербализация имени концепта *помощь*, однако этот смысл выражается имплицитно, через описание действий фонда «Город без наркотиков» («хлопнули наркоторговца», «тысячи спасенных людей»), чья деятельность оценивается как несущая благо обществу.

В настоящее время общественная деятельность блогера связана с установлением социальной справедливости, что отражается в записях блога: Евгений Ройзман регулярно пишет отчеты о приемах населения, проводимых им в качестве мэра города Екатеринбурга. Практически в каждом отчете встречаются словосочетания *надо помочь/ постараемся помочь / попробуем помочь / будем помогать / решим*, отражающие модус долженствования или желательности. Устойчивость и повторяемость подобных оборотов подтверждает, что для Ройзмана *помощь нуждающимся членам общества* – важнейшая ценностная установка, концептуализируемая в блоге.

Помощь – содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение [СОШ 2006: 560]. *Нуждающийся* – живущий в нужде, в бедности [СОШ 2006: 423]. Таким образом, *помощь нуждающимся* – это содействие живущему в нужде, в бедности, приносящее ему облегчение, делающее его жизнь лучше. Исследователями отмечается, что *помощь* нуждающемуся воспринимается как одна из базовых национальных русских ценностных установок [Костина, Егорычев, Кашина 2015: 98].

«Молодой сосед по саду передвинул забор, откусал часть территории и еще написал заявление пожарным. Люди переживают. <...> Решим» (Запись от 27 декабря 2006 года).

«И вслед за ней женщина зашла. Убили сына. Благополучного совершенно парня. По горячим следам заниматься никто не стал. <...> И опять тишина. Занимаемся» (Запись от 29 января 2007 года).

«Подряд два полковника отставных, выйдя в отставку в начале девяностых, не получили жилье и уже шансов никаких, пожилые. До сих пор по съемным квартирам.

«Стараюсь помочь» (Запись «Все наработались» от 7 февраля 2014 года).

«Она осталась без жилья и без регистрации. Попробуем помочь.<...>

Всю жизнь, сколько я знаю, кладбище находится в небрежении и наглядно демонстрирует наше отношение к умершим. Думаю, что решим этот вопрос» (Запись «Чем можем» от 4 апреля 2016 года).

«И вот он – гражданин мира, человек без паспорта. Пришел ко мне. И надо чем-то помочь. Потому что жилья нет, на работу устроиться невозможно, да и жениться уже пора» (Запись «Человек за бортом» от 19 апреля 2016 года).

На основе анализа записей в блоге Ройзмана можно выделить ключевые когнитивные признаки, характеризующие понимание концепта *помощь*: субъект, оказывающий помощь; субъект, нуждающийся в помощи; трудная ситуация; процесс помощи; результат помощи.

Субъект, оказывающий помощь: обращает на себя внимание, что, будучи должностным лицом, способным самостоятельно решить проблемы нуждающихся, Ройзман, говоря о помощи горожанам, чаще выступает от лица коллективного субъекта, команды. В основном используются глагольные формы 1 лица множественного числа (*постараемся, решим*), реже единственного числа (*попытаюсь*). В некоторых случаях называются конкретные имена людей, которым поручено разобраться в том или ином проблемном вопросе (например, *Степан Чиганцев, Лара* и т.д.).

Субъект, нуждающийся в помощи: Автор блога очень подробно описывает образы людей, которые приходят к нему на прием. Прежде всего к мэру обращаются социально не защищенные граждане: матери-одиночки или многодетные семьи, родственники тяжелобольных, которые не в состоянии оплатить лечение, пенсионеры и детдомовцы. В помощи нуждаются обычные горожане, попавшие в сложную ситуацию в связи с тяжелой экономической обстановкой. Представление этих субъектов однотипно: используется родовая номинация субъекта (часто гендерного характера) + глагол *прийти* в прошедшем времени: *Потом пришла женщина с пятью детьми; девчонка пришла, сирота; Мужик еще пришел.*

Характеризуя посетителей, Ройзман выхватывает ключевые характеристики, позволяющие представить образ нуждающегося: *старик-блокадник 1939 г.р.; очень славная девочка пяти лет. ДЦП, одна нога короче другой; женщина приехала, у нее два ребенка с ДЦП и у самой тяжелый диабет.* Каждая размещенная запись, по сути, формирует образ достойного человека, оказавшегося в трудной ситуации, а потому нуждающегося в сторонней помощи.

«**Сплошным потоком или люди**» (Запись «Все наработались» от 7 февраля 2014 года)

С помощью устойчивого сочетания *сплошной поток* (сплошной в значении ‘тянущийся без перерывов, промежутков, сплошь заполняющий собой какое-либо пространство’ и поток в значении ‘движущаяся в каком-либо направлении масса чего-либо’ [БТС 2014: электр. ресурс]) автор обозначает, что нуждается в помощи большое количество людей.

Трудная ситуация: образ нуждающегося в блоге Евгения Ройзмана обязательно сопровождается кратким, но емким описанием проблемы, в которую попал человек.

«*Срочно нужны опоры-ходунки на четырех колесах. 146 тысяч рублей. И вот эти две тысячи долларов могут поставить на ноги маленькую, хорошую, измученную операцией девочку*». (Запись «Чем можем» от 4 апреля 2016 года)

В некоторых случаях проблема обозначается оценочно, но без подробностей:

«*Весь день или безработные. Ситуации самые отчаянные. Причем специальности такие: термист, гидролог, геодезист. Пытаюсь помочь*». (Запись «Всё будет хорошо» от 29 апреля 2016 года)

Прилагательное *отчаянный* (в значении ‘чрезвычайно тяжелый, безвыходный’ [БТС 2014: электр. ресурс]), употребленное в превосходной степени, в полной мере характеризует ситуации, в которые попадают просители.

В редких случаях блогер отмечает, что проблема пришедшего человека не является серьезной:

«Яркая молодая армянская девушка из Москвы познакомилась с парнем в Екатеринбурге и примчалась к нему на крыльях любви, а он испугался и говорит: «Ты чо, я же понарошку, мне жениться еще рано!». И вот она в чужом городе, сидит передо мной, плачет. Домой вернуться не может – родители не примут. Мне и жалко ее, и понимаю, что ее горе это не горе. Посиди, говорю, здесь немножко в уголке, потом вернемся к разговору.

<...> И краем глаза вижу, что армянская девушка уже тоже не плачет, потому что стыдно. Все несчастья понимаются в сравнении.

<...>А большеглазая девушка армянская сидит в уголке, слушает все это и уже совсем не плачет.

<...>Девчонка эта из Москвы, поприсутствовав на приеме, вдруг поняла, что в ее жизни нет и не было вообще никаких проблем, вытерла слезы, осталась здесь и стала помогать Ларе» (Запись «Прием» от 22 октября 2015 года).

Подобные примеры редки. В основном удостоиваются упоминания в блоге действительно тяжелые ситуации, поднимающие социально значимые проблемы.

Процесс помощи: Сам блогер отмечает, что некоторые проблемы разрешить сложно, однако частотно употребляемое модальное слово *надо* указывает на необходимость содействия людям в разрешении их проблем. Активно употребляется такой глагол, как *постараться*, в значении «приложить усердие, рвение к чему-либо» [БТС 2014: электр. ресурс], что демонстрирует искреннее желание общественного деятеля помочь пришедшим на прием людям. Использование глаголов *попробовать* и *попытаться* со значением ‘совершить действие, направленное на осуществление или достижение чего-либо, но без уверенности в успехе’ [БТС 2014: электр. ресурс], показывает, что отсутствие полной уверенности в успехе не является для блогера поводом для отказа в помощи.

«Судиться с Дорогой?! Нереально.

Я, конечно, постараюсь помочь» (Запись «Прием» от 6 марта 2015 года).

Слово *нереально* ('неосуществимо' [БТС 2014: электр. ресурс]) описывает ситуацию, в которую попал проситель, как крайне тяжелую. Автор отмечает, что человек не добьется желаемого в борьбе с *Дорогой* (компанией-монополистом «Российские железные дороги»), тем не менее не отказывается помогать ему.

«И вот приехала к нам. Четыре часа сидела в кабинете на диванчике, и мы перебирали все варианты и искали хоть какую-то зацепку, чтобы появилась возможность получить жилье» (Запись «У меня не много...» от 25 апреля 2014 года).

Блогер отмечает, что он и его команда пытаются найти любую возможность помочь человеку («перебирали все варианты», «искали хоть какую-то зацепку»).

Ройзман ожидает подобного отношения к жизни, к людям и от читателей своего блога:

«Этот текст прочитают многие достойные, думающие люди. И кто-нибудь захочет помочь» (Запись «У меня не много...» от 25 апреля 2014 года).

Делая комплимент своим читателям, блогер ждет от них помощи героине записи и размещает её банковские реквизиты.

Подобные формулировки, побуждающие к активизации гражданского общества в вопросах помощи нуждающимся, нередки: *«Кто захочет помочь – имейте в виду»*, *«Кто хочет помочь – Степан Чиганцев занимается»*.

Кроме того, блогер может напрямую обратиться к читателям с просьбой о совете, если ситуация кажется слишком сложной:

«Пришла девочка, откровенно красивая, темноволосая. Сама с Сортировки. Просит отправить её ... в Таджикистан. Оказывается у неё был муж-таджик, которого депортировали, а у неё от него ребёнок и она

хочет к нему в Таджикистан. Он её зовёт, говорит, что любит, а здесь у неё все плохо, из колледжа выгнали, работы нет и с родителями ругается. Жить негде. Ей восемнадцать. Родила в семнадцать. Стала жить с ним в шестнадцать. Спрашиваю: Что, в парандже готова ходить? Она говорит: Не в парандже, а в хиджабе. У меня есть. **И что мне делать? Отправить её в Таджикистан? Я на свою душу это не возьму.** Сказать, чтобы оставалась здесь и все наладится, и появится работа, жильё, и все будет хорошо?.. А, вдруг, это любовь и они нужны друг-другу, да и ребёнку он все - таки родной отец. **Наши действия?»** (Запись «Помощь зала» от 8 апреля 2016 года)

В пост включен опрос, в котором поучаствовало 470 человек, из которых чуть больше половины (240) ответило, что девушку нужно отправить к мужу, однако в записи «Никогда не было, и вот опять» от 13 апреля 2016 года блогер пишет, что девушку уговорили остаться в Екатеринбурге и собираются ей помогать.

Если решение проблемы не требует общественной помощи, то блогер может подробно не раскрывать то, как оказывается помощь (встречаются формулировки: *замкнул на Лару, решили, удалось стронуть ситуацию с места*). Ярким примером служит отрывок записи «Никогда не было, и вот опять» от 13 апреля 2016 года:

*«Потом мужик пришел. У него выгорела вся квартира и не по его вине. Он пришел за справкой, а ему говорят: «Дай 200 тысяч, напишем все, что скажешь». Он пришел к нам и спрашивает: «А нельзя подешевле?». Можно. **Все решили, не скажу как».***

Подобные записи указывают на то, что у Ройзмана есть скрытые ресурсы, которые позволяют ему помогать горожанам. Возможно, формируется представление о том, что эти ресурсы не совсем легитимны, однако действенны.

Результат помощи: Несмотря на то, что многие записи, посвященные помощи горожанам, заканчиваются лишь декларированием установки на

необходимость решения проблемы (*буду как-то решать, посмотрим, что можно сделать*), автор нередко возвращается к той или иной проблемной ситуации и описывает позитивные результаты, достигнутые его командой.

«Старик-блокадник 1939 гр. <...> Проблема одна - нет зубов, корни еще остались и осколки, мучают. Он говорит, жевать то я еще как то умею, а вот улыбаться совсем не могу!.. Короче, можем все сделать. Вопрос 25 тысяч. Я участвую, кто поддержит - все контакты у Лары Булатовой».
(Запись «Жить то надо сегодня» от 25 сентября 2015 года)

В данной записи блогер описывает пришедшего за помощью человека и его проблему, а в записи «Разница» от 25 декабря 2015 года описывается результат обращения просителя к мэру:

«Прошло три месяца. И вот пришел он сегодня на прием, ходит и улыбается. Улыбка радостная. Ну и кто б ни улыбался на его месте. Все зубы целые, красивые, новые. Очень доволен. Другой человек, рукопожатие крепкое. Теперь, говорит, жениться надо. Считаю, что самое время. Все получилось, спасибо вам, друзья».

Если к решению проблемы привлекалась общественность, то блогер не только отчитывается о результатах, но и благодарит тех, кто помогал (*«Все получилось, спасибо вам, друзья»*).

Концепт *помощь обществу* актуализируется на протяжении времени ведения блога, однако содержание этой помощи в разные периоды представлено по-разному. В 2003 – 2007 гг. он является депутатом Государственной думы Российской Федерации, а с 2013 года занимает пост мэра города Екатеринбурга, то есть является председателем Екатеринбургской городской думы. В его обязанности входит прием населения, что и описывается в блоге. Важность концепта подчеркивается тем, что в указанные периоды времени проблемы пришедших на приемы людей становятся доминирующей темой в блоге. Однако в период с 2007 по 2013 годы, когда он являлся только руководителем фонда «Город без

наркотиков», помощь обществу интерпретируется как противодействие деятельности, которая наносит вред обществу.

В оппозицию концепту *помощь обществу* встает концепт *антиобщественная деятельность*. Роль защитника справедливости и правды, помощника простых горожан определяет отношение Е. Ройзмана ко многим явлениям действительности: резко негативно оцениваются наркоторговля, произвол властей, коррупция, наносящие урон всему обществу.

Особенно подробно описывается блогером та составляющая антиобщественной деятельности, которая связана с наркоторговлей и потреблением наркотиков. Блогер долгое время занимался борьбой с наркоторговлей в фонде «Город без наркотиков», поэтому темы вреда, который наносят обществу наркотики и наркоторговцы, поднимается Ройзманом постоянно.

Лексема *наркотики* как родовая номинация феномена, наносящего вред обществу, встречается в блоге очень часто. *Наркотики* – сильнодействующие вещества, преимущественно растительного происхождения, вызывающие возбужденное состояние и парализующие центральную нервную систему [СОШ 2006: 391].

В блоге используется не только лексема *наркотики*, но и широкий ряд гипонимов: *опиаты, героин, кокаин, марихуана, метадон, амфетамин, метафетамин, экстази, дезоморфин, крокодил, винт, гашиш, насвай, соли, соли MDPV, спайсы, курительные смеси JWH, скорость* и др. Употребление наркотиков описывается такими глаголами, как *нюхать, колоть, курить*.

Блогер высказывает резко негативное отношение к наркотикам:

«*Ни слова не спросили про **вонючие** наркотики*» (Запись от 25 января 2006 года).

В данном контексте негативная оценка передается через прилагательное *вонючий* со значением ‘вызывающий отвращение’ (груб.) [БТС 2014: электр. ресурс]

*«И уже в конце между делом спрашиваю: «А что, парни, слышали что такое **нас, насвай?**» - Гул прошел по рядам, видно, что слышали, - «А из чего его делают, знаете?». Секундная пауза и радостный голос с галерки: «**Из говна!**». Оживление в зале. И я уже серьезно: «Вот смотрите, чужая азиатская мерзкая привычка! Скажите мне, закладывать **говно** за губу, ходить **плевать**ся **коричневой жижей**, **бледнеть**, **потеть** и **чтобы еще из рта воняло** – как вы считаете, достойно это русского человека?!»... На секунду возникла пауза, тишина, и вдруг маленькая девочка приподнялась на стуле и детским, звонким голосом радостно закричала: «**Недостойно!!!**». И весь зал взорвался!» (Запись «Устами младенца» от 23 апреля 2014 года)*

Нас, насвай (жевательная масса, содержащая опий [Мокиенко, Никитина 2001: 376]) в записи приравнивается к слову *говно* в значении ‘экскременты, кал’ [Мокиенко, Никитина 2008: 54]. Натуралистично описываются физиологические процессы (*плевать*ся *коричневой жижей*, *бледнеть*, *потеть*, *чтобы из рта воняло*) при употреблении данного вещества, таким образом, употребление *насвая* определяется блогером как недостойное поведение.

На основе анализа записей в блоге можно выделить ключевые когнитивные признаки, характеризующие понимание представления о потреблении наркотиков: субъект, употребляющий наркотики (наркоман), родственники наркомана, субъект, продающий наркотики, результат употребления наркотиков.

Субъект, употребляющий наркотики: В блоге часто используются номинации *наркоман*, *нарколыга*. К употребляющим наркотики автор не испытывает жалости, они могут вызывать даже гнев, так как причиняют боль своим близким:

«...Снова плачет: "Мне, - говорит, - платить нечем". <...>А я с утра раздал все, что у меня было. Я бы просто пошел и заплатил за него, мерзавца. <...>

- Андрей, ну давай мы его сейчас не возьмем, а завтра, он, **скотина**, сдохнет. <...>

*А Я СЧИТАЮ, ПЕРВЫЙ РАЗ КАК УДАРИЛ МАТЬ, ВЗЯЛА БЫ МОЛОТОК И ЗАКАТАЛА БЫ ЕМУ В ЛОБ. ЕСЛИ БЫ ЭТО **ЖИВОТНОЕ** ПОСЛЕ ЭТОГО ВЫЖИЛО БЫ, В ЖИЗНИ БЫ БОЛЬШЕ НА МАТЬ РУКУ НЕ ПОДНЯЛ. Да и колоться бы, наверное, бросил»* (Запись от 1 февраля 2006 года).

Слова *мерзавец* в значении ‘подлый, мерзкий человек, негодяй’ (разг.) [СОШ 2006: 351], *скотина* в значении ‘грубый, подлый человек’ (перен., прост. бран.) [СОШ 2006: 725] и *животное* в значении ‘грубый, неразвитый и неумный человек’ (разг. презр.) [СОШ 2006: 194] маркируют отрицательную оценку человека, который употребляет наркотики. В записи формируется причинно-следственная связь: употребление наркотиков – асоциальное поведение в семейной жизни (бьет свою мать, вымогает у родственников деньги на покупку наркотика).

«У той сын-наркоман, 27 лет, утащил из дома все. То есть в буквальном смысле. Три телевизора один за другим, всю бытовую технику, комплекты постельного белья...» (Запись от 27 августа 2007 года).

Наркотики, по мнению Е. Ройзмана, лишают человека человеческого облика (встречаются формулировки: *превратился в животное, в свинью*), поэтому наркоман способен на любые поступки (*утащил из дома всё, ударил мать* и т.д.) и практически никогда не способен осознать свою зависимость и начать лечение:

«Вообще через нас прошло больше 6000 (шести тысяч) наркоманов. Мы сумели вспомнить только пять человек, которые пришли к нам сами. Это шестой». (Запись от 31 августа 2007 года)

Блогер подчеркивает, что наркотики – это проблема всего общества:

«Не будьте беспечны, не думайте, что это может коснуться любого, но не вас. Запомните - наркотики не выбирают, сын учительницы или дочь генерала» (Запись «Памятка для родителей» от 28 марта 2013 года).

Ведя регулярные записи о живущих в реабилитационных центрах фонда «Город без наркотиков», блогер делает выводы о том, как изменяется наркоторговля: до 2010 года посты посвящены в основном героиновым наркоманам («героин не разбирает, где чей сын или дочь»; «в 90% случаев причина – героин»), затем автор посвящает серию записей дезоморфину, описывая последствия его употребления, позже много пишет о синтетических наркотиках и курительных смесях, которые стали популярны среди школьников («А героин в России это уже так, вчерашний день»). В блоге присутствует система тэгов, она используется несистемно, однако названия наиболее популярных наркотиков появляются среди тэгов, также в постах об одном и том же виде наркотика публикуются ссылки на предыдущие записи.

Родственники наркомана: Блогер акцентирует внимание на том, что родственники (обычно родители) человека, употребляющего наркотики, находятся в отчаянии и часто не понимают, что делать («родители в шоке»), поэтому могут принимать неправильные решения (медлят с отправкой в реабилитационный центр, забирают с реабилитации раньше выпуска).

*«Мама **рыдает**, просто **воет** в трубку:*

- Умоляю, посадите ее!!!» (Запись от 26 января 2007 года.)

Интенсив *выть* ('плакать в голос' [БТС 2014: электр. ресурс]) передает, в каком отчаянном положении находится человек, чей родственник попал в зависимость от наркотиков.

«Когда дело касается наркотиков, принятие решений откладывать нельзя. Я же рассказывал. Звонит в пятницу руководитель охраны одного нашего олигарха. «Женя, - говорит, - помогите с сыном. Закальвается, из дома вытащил все». Я говорю: «Везите прямо сейчас, пока места есть». А он: «Да ладно, чего уж сейчас. Лучшие в понедельник с утра». Я аж заорал в трубку: «Сейчас, говорю, везите!!!» Он говорит: «Нет, давай до понедельника». А в воскресенье позвонил убитый: «Женя, все. Ничего не надо. Он только что умер...» (Запись от 25 августа 2008 года).

Часто родственники могут до последнего не подозревать, что человек употребляет наркотики («практически все родители приходят к нам после того, как ребенок утащил телевизор»). Для того, чтобы подобное не происходило, блогер публикует в блоге памятку, в которой описывает признаки употребления ребенком наркотиков, способы их распространения.

Субъект, продающий наркотики: В блоге всячески подчеркивается, что наркоторговля – общественно опасное уголовно наказуемое деяние, а любой, кто замечен в подобной деятельности, не может быть достойным человеком, не заслуживает снисхождения.

«Его закрыли. Родители взвыли. Прибежали ко мне.

Я говорю:

- Нет. Я не буду заступаться, я точно знаю, что он торговал. Я могу заступиться даже за наркомана, но не за наркоторговца» (Запись «Переломим карму» от 20 августа 2014 года).

Блогер использует для номинации наркоторговцев следующие лексемы: *барыга* ('наркоторговец' [Словарь сленга: электр. ресурс]), *людоед* (разг. и публиц. 'О жестоком, кровожадном человеке, убийце многих людей' [БТС 2014: электр. ресурс]), *умник* (ирон. 'тот, кто умничает, считает себя умнее других' [БТС 2014: электр. ресурс]), *оккупант / предатель* ('захватчик' и презрит. 'тот, кто предает, предал кого-либо или что-либо' [БТС 2014: электр. ресурс]), *подлые ишаки-наркоторговцы* (*подлые* в значении 'бесчестные, низкие', *ишаки* – бран. 'о глупом, упрямом человеке' [БТС 2014: электр. ресурс]), *вонючий наркоторговец* (груб. 'вызывающий отвращение, сильное раздражение' [БТС 2014: электр. ресурс]).

«Вчера вечером наши с Верх-Исетскими ГАИшниками хлопнули одного умника, который возил гашиш из Казахстана» (Запись от 5 февраля 2008 года)

«А вообще, любой наркоторговец, независимо от национальности, людоед» (Запись «К предыдущему посту (<http://roizman.livejournal.com/959331.html>)» от 9 июля 2010 года)

«Но! Кто бы не был наркоторговец: таджик, цыган, местный - он людоед.

Просто, с чужих спрос, как с оккупантов.

А со своих, как с предателей» (Запись «Объясняю» от 19 октября 2010 года).

«Он очень удивился, когда за ним пришли. Очень злой барыга» (Запись «Отчет Фонда «Город без наркотиков» за декабрь и 2012 год» от 30 декабря 2012 года).

Наркоторговец в представлении блогера – это убийца, не достойный доверия, ему присущи подлость и жестокость. Он либо предает родной город (предатель), либо захватывает и уничтожает (оккупант).

До 2010 года этнонимы *таджик* и *цыган* постоянно использовались в записях о наркоторговцах, что давало возможность оппонентам Е. Ройзмана говорить о разжигании межнациональной розни. Общественный деятель неоднократно объяснял, почему обвиняет в торговле наркотиками представителей этих этнических групп:

«Речь идет о таджиках по одной причине: практически, весь героин завозится к нам с территории Таджикистана именно гражданами Таджикистана» (Запись от 14 февраля 2006 года).

*«А действительно опухли от безнаказанности наркоторговцы! Цыганский поселок чуть не в центре Тагила, одни и те же семьи, многие торгуют через детей, некоторые дома оборудованы видеонаблюдением, во многих живут русские наркеры на положении рабов (полы помыть, дров наколоть, **ГЕРОИН НА СЕБЯ ВЗЯТЬ** и т.д.)»* (Запись от 6 февраля 2008 года).

После 2010 года подобные утверждения встречаются гораздо реже, так как популярные наркотики теперь производятся внутри страны (о дезоморфине: *«И тут уже не на кого свалить вину. Это не чечены, не таджики, не цыгане. Это русские убивают русских. Каждый день по всей России»*).

Результат употребления наркотиков: Внимание читателей акцентируется на том, что употребление наркотиков ведет к деградации и смерти. Блогер неоднократно отмечает, что наркоман теряет человеческий облик:

*«...Эти надписи переводятся так: **Сделаю из твоей дочери грязную проститутку. Гарантия!** или **Превращу твоего сына в животное за твои же деньги.Быстро!** и номер аськи или телефона»* (Запись «Постарайтесь понять» от 10 апреля 2013 года).

Кроме нравственной деградации происходит и разрушение организма.

О действии дезоморфина: *«**Необратимые последствия уже в первый месяц. Человека корежит. Мозги вышибает и плоть гнет**»* (Запись «Крокодил» от 4 августа 2010 года).

О действии солей: *«**И, пожалуй, самое страшное – наркотики эти действуют на психику и разрушают личность. При употреблении солей человек стремительно деградирует, и деградация эта имеет необратимые последствия**»* (Запись «Памятка для родителей» от 28 марта 2013 года).

С 2014 года Е. Ройзман перестает принимать непосредственное участие в деятельности организации «Город без наркотиков», поэтому количество записей, посвященных борьбе с наркоманией, резко уменьшается, однако общественный деятель продолжает публиковать ежегодную статистику по смертельным отравлениям наркотиками в России.

Концептуализируя представление об антиобщественной деятельности, Ройзман дает негативную оценку неправомерным действиям властей и правоохранительных органов:

*«Однажды, стало известно, что **таджики везут в Пермь 10 кг героина. Опера подняли всех. Состыковались с ГАИ, предупредили. И вот, на посту в Дружинино таджиков остановили. А потом они поехали дальше и исчезли.***

Оказывается ГАИшник, который их остановил, попросил с них 50 000 руб. Таджики возмутились, тогда он им объяснил, что по ним прошла ориентировка, их ищут все и вообще большой шум и 50 000 руб. в такой ситуации это даже еще по-божески. Таджики с таким доводом согласились, рассчитались с ГАИшником, пожали друг другу руки, поехали, свернули с трассы и загасились. Отсидевшись несколько дней, перегрузились и спокойно отвезли героин в Пермь. И эту историю потом всем рассказывали и смеялись» (Запись «Отдельно про перехват» от 23 ноября 2009 года).

В данной записи Е. Ройзман осуждает человека, получившего взятку и тем самым поспособствовавшего наркоторговле. В блоге также встречаются записи, в которых утверждается причастность некоторых работников правоохранительных органов к наркоторговле на постоянной основе:

«Эти нелегалы приехали сюда торговать наркотиками.

Кров им предоставил сотрудник ленинского РУВД Андрей Автух. И жили они у него в доме, в цыганском поселке на Хасановской. Когда у них появились деньги, они купили машину "Дэу-нексия", и зарегистрировали ее на этого же сотрудника Ленинского РУВД. Редкое доверие, взаимопонимание и взаимовыручка» (Запись «Наши вчера сработали с верх-исетскими» от 12 февраля 2009 года).

Последнее высказывание интрепретируется как ироническое: слова, представляющие позитивно оцениваемые качества человека (*доверие, взаимопонимание, взаимовыручка*), реализуются в негативном оценочном смысле.

Блогер часто конфликтовал с представителями власти и правоохранительными органами, которые пытались мешать деятельности фонда «Город без наркотиков».

«Местная власть нанесла нам на днях запредельно подлый и, в силу этого, очень неожиданный удар. Даже не предполагали.

Я понимаю, что поставлена и выполняется задача - уничтожить Фонд.

Понятно, что мы сейчас перегруппируемся, спасем все что можно, начнем сначала и восстановимся. Тем самым вновь продемонстрируем образец выживаемости и стойкости. Но! Потеряем время, погибнут люди, нарушится структура и пока мы будем заниматься тушением очередного пожара (да ладно пожара - поджога!) поднимут голову наркоторговцы, и они же в погонах» (Запись «С кем разговаривать» от 28 декабря 2012 года).

Действия властей оцениваются как вредительские, так как фонд мыслится блогером как важный механизм по борьбе с наркоторговлей и его уничтожение приведет к трагическим для общества последствиям.

После ухода из организации «Город без наркотиков» конфликт блогера с властями по этому вопросу переходит в замороженную стадию, и Евгений Ройзман обращает внимание аудитории на свою деятельность на посту мэра города Екатеринбурга, делает акцент на решении проблем жителей города, то есть на помощи обществу. Однако даже в записях 2015-2016 года деятельность властных структур, которая наносит вред конкретным членам общества (прежде всего «ближнему кругу» блогера и простым горожанам), все равно остается в фокусе внимания Ройзмана и получает короткие негативные комментарии.

Выводы по 2 главе

В главе были выделены ключевые концептуальные оппозиции, значимые для блога Евгения Ройзмана, отражающие специфику общественной деятельности блогера (борьба с наркоторговлей, обязанности депутата Государственной думы и мэра города Екатеринбурга). При анализе концепты были представлены в виде аксиологически осмысленных оппозиций. В зоне позитивной оценки оказываются понятия *правда, свой, помощь обществу*, в зоне негативной оценки – понятия *ложь, чужой*,

антиобщественная деятельность. Можно говорить о возникновении концептуальных связей между ними: *свой* для Ройзмана – человек, который мыслит *правду* как абсолют и руководствуется ею в своей деятельности, которая направлена на *помощь обществу*. *Чужой* для Ройзмана – тот, кто ведет *антиобщественную деятельность* и использует *ложь* для достижения своих корыстных целей.

Динамический анализ когнитивного уровня языковой личности, отраженного в блоге «Сила в правде», показывает, что, начиная со времени назначения на пост мэра города Екатеринбурга, Евгений Ройзман всё чаще обращается к описанию «левой» части названных ценностных оппозиций: *свой, правда, помощь обществу*. «Правая» часть оппозиций представлена в записях последних лет, но уходит на периферию.

Глава 3. Прагматическая специфика речевого портрета блогера

Е. Ройзмана

3.1. Теоретические предпосылки исследования прагматического уровня

Описание прагматического уровня речевого портрета блогера-общественного деятеля ставит вопрос об изучении его речевого поведения в аспекте целеполагания и взаимодействия с адресатом.

Речевое поведение – это «протекающая в реальных координатах пространства и времени, ситуативно и социально обусловленная коммуникативная деятельность» [Борисова 2001: 182]. По мнению специалистов в области лингвопрагматики, «речевое поведение дискретно и представляет собой линейную синтагматическую последовательность речевых поступков, имеющих план выражения, соотносимый с вербальным уровнем коммуникации, и план содержания, соотносимый с когнитивным уровнем коммуникации» [Ланских 2008: 33]. Комплексное описание речевого портрета невозможно без характеристики речи в прагматическом аспекте.

В общении «коммуниканты преследуют определенные неречевые цели, которые регулируют деятельность собеседника» [Румянцева 2004: электр. ресурс]. Всякая деятельность подчиняется задаче максимизации положительных и минимизации отрицательных результатов, следовательно, выбор коммуникативной стратегии зависит от ситуации общения.

Исследователи предлагают различные определения понятий коммуникативная стратегия и коммуникативная тактика и разные отношения между ними. Принято делить эти концепции на две группы: первая группа характеризуется тем, что стратегия понимается как когнитивное образование, в то время как тактика определяется как речевое [Клюев 2002; Третьякова 2002; Олешков 2007; Формановская 2007], а во второй группе работ стратегия и тактика рассматриваются как интенции различного

коммуникативного масштаба [Макаров 1995; Рытникова 1996; Матвеева 2003].

Н. И. Формановская определяет коммуникативную стратегию как «общий замысел конечной цели общения», а коммуникативную тактику как «совокупность конкретных речевых ходов, соответствующих общей стратегии» [Формановская 2007: 219]. Е. В. Ключев отмечает, что коммуникативная стратегия – это совокупность теоретических ходов (в отличие от коммуникативной тактики, понимаемой как совокупность практических ходов в реальном речевом взаимодействии), которые запланированы заранее и направлены на достижение коммуникативной цели [Ключев 2002: 18-19]. М. Ю. Олешков связывают коммуникативную стратегию с «конкретным планом речевого воздействия на партнера по коммуникативной ситуации» [Олешков 2007: 12]. Коммуникативная тактика может пониматься не только как совокупность действий, но как «конкретное речевое действие во взаимодействии коммуникантов» [Третьякова 2002: 171].

Рассматривая стратегию и тактику как интенции различного масштаба, Я. Т. Рытникова называет коммуникативную стратегию генеральной интенцией в рамках коммуникации, а коммуникативную тактику – «одной из последовательно решаемых задач в границах определенной стратегической линии» [Рытникова 1996: 94]. Также коммуникативную стратегию можно рассматривать как тип поведения «в ситуации диалогического общения, обусловленный планом достижения глобальной и локальных целей» [Макаров 1995: 48], то есть коммуникативная стратегия – это и план общения, направленный на достижение коммуникативной цели, и организация говорящим своего речевого поведения в соответствии с планом, условиями общения, ролевыми и личностными особенностями коммуникантов, культурной традицией. Коммуникативная тактика мыслится как «конкретный этап осуществления коммуникативной стратегии» [Матвеева 2003: 284-285].

Мы также придерживаемся этой точки зрения, согласно которой коммуникативные стратегии и тактики являются смысловыми категориями разных уровней, и определяет коммуникативную стратегию как «генеральную макроинтенцию, определяющую организацию речевого поведения коммуниканта в соответствии с коммуникативными / некоммуникативными целями говорящего и специфическими условиями общения» [Ланских 2008: 34]. Коммуникативные тактики определяют содержание коммуникативной стратегии. Коммуникативная тактика понимается при этом как «локальная интенция, задающая актуальный смысл конкретного речевого поступка в разворачивающемся ситуационном, социальном и культурном контексте» [Ланских 2008: 34].

Аспект целеполагания позволяет выделить в речи «три разнопорядковых уровня: два смысловых уровня и уровень речеоформления» [Ланских 2008: 32]. Стратегия на промежуточном этапе раскладывается на несколько конкретных задач, и возникают локальные, обусловленные ситуацией интенции, которые затем воплощаются в речи «либо при помощи воспроизводимых по памяти клише, либо при помощи творимых в момент коммуникативного акта новых высказываний» [Верещагин, Ратмайр, Ройтер 1992: 87]. Формально концепция коммуникативных стратегий и тактик представлена как двухуровневая, поэтому за тем явлением, которое находится на низшем уровне абстракции, нет закрепленного термина [Ланских 2008: 32], поэтому исследователи для описания его единицы применяют термин «речевой ход» — «принадлежащее одному коммуниканту синтагматически обусловленное (особенно сильно зависящее от предшествующего контекста) высказывание, обладающее стратегической функциональной значимостью» [Матвеева 2003: 288-289]. Речевой ход определяется как «характеризующийся определенным способом речевой организации фрагмент реплики одного коммуниканта, посредством которого осуществляется манифестация коммуникативной тактики» [Ланских 2008: 34]. Речевая тактика оформляется именно с помощью

речевого хода. Главная отличительная черта речевого хода — функция в отношении продолжения коммуникации: «речевой ход развивает речевое взаимодействие, продвигает общение к достижению коммуникативной цели» [Макаров 2003: 183].

Таким образом, описание речевого поведения блогера – общественного деятеля будет связано с выявлением стратегий, связанных с общим представлением о конечной цели общения, тактик, соответствующих общей стратегии, и конкретных речевых ходов, манифестирующих тактики. «Владение стратегиями и тактиками входит в прагматическую компетенцию говорящего: чем более он компетентен в языке и речи, в применении постулатов и правил общения, тем многообразнее и гибче его стратегии и тактики и тем успешнее он добивается своих целей» [Формановская 2002: 58]. Стратегиями и тактиками речевого поведения предопределяется вариативность в выборе речевых средств выражения мысли [Иссерс 1999: 114].

О. С. Иссерс делит все коммуникативные стратегии на основные и вспомогательные. Основная стратегия на определенном этапе коммуникации становится наиболее значимой, поскольку отражают мотивы и цели, стоящие в иерархии мотивов и целей на первом месте. К основным стратегиям относят те, которые прямо связаны с влиянием на адресата, его систему ценностей и поведение. Стратегии, названные вспомогательными, способствуют оптимальной организации взаимодействия, эффективному воздействию на адресата [Иссерс 1999: 139]. К вспомогательным прагматическим стратегиям О. С. Иссерс относит стратегию самопрезентации [Иссерс 1999: 193-194]. При этом самопрезентация находится в прямой зависимости от приемов, используемых говорящими для оптимизации речевого воздействия. Таким образом, стратегию самопрезентации можно также рассматривать и в рамках основных стратегий. Исследуемый материал позволяет осознать самопрезентацию как

общую, фоновую для всех сетевых дневников целевую установку. Любой блог прежде всего презентует образ его автора.

Стратегия самопрезентации как явление рече-поведенческое находит свое описание не только в лингвистической, но и в психологической литературе. В этих источниках стратегия самопрезентации понимается как «поведение субъекта самопрезентации, в различной мере осознаваемое и планируемое, оно направлено на создание желаемого впечатления» [Пикулёва 2004], для чего используются определенные тактики самопрезентации. «Тактика же самопрезентации — это краткосрочный поведенческий акт, включающий в себя совокупность приемов невербального и вербального поведения, направленный на создание желаемого впечатления, необходимого для определенных краткосрочных целей, о субъекте самопрезентации» [Пикулёва 2004].

Блогером используется широкий спектр речевых тактик в рамках стратегии самопрезентации, независимо от того, осознает ли он свои поведенческие действия или нет. Выбор речевых тактик происходит на основе личностных особенностей языковой личности, социального контекста, а также целей и задач общения, которые могут быть обусловлены профессиональной деятельностью и социальным статусом.

Многие исследователи, в том числе и Н. И. Формановская, подходят к описанию речи, целью которой является самопрезентация личности, прежде всего с точки зрения постулатов и принципов кооперативного общения и вежливости [Стернин 1995, Ширяев 1996, Иссерс 2000, Формановская 2007]. Они описывают, вслед за Г. Грайсом и Дж. Личем, максимы такта, великодушия, одобрения, скромности, симпатии [Грайс 1985]. Следование этим максимам признается нормой. Однако общение в современном виртуальном пространстве показывает, что и, не следуя этим максимам, выбирая другую стратегию самопрезентации, можно быть успешным в коммуникации. Речевая практика современной блогосферы демонстрирует тенденцию к конфликтной самопрезентации.

А. В. Ланских выделяет одиннадцать стратегий речевого поведения и разделяет их на две группы в зависимости от того, в каком типе речевого поведения — кооперативном или конфликтном — эти стратегии реализуются [Ланских 2008: 47]. Исследователем дана подробная классификация, в которой каждая стратегия подробно описана и названы тактики, которые конституируют названные стратегии. Примечательно, что стратегия самопрезентации в данном исследовании присутствует и в первой, и во второй группе, может относиться как к кооперативному, так и к конфликтному поведению.

Интерпретация собранного материала будет проводиться в соответствии с классификацией, предложенной А.В. Ланских. Ею выделены следующие стратегии кооперативного речевого поведения: 1) стратегия солидаризации (цель — демонстрация общности, близости, единодушия с коммуникативным партнером); 2) стратегия искренности (цель — демонстрация особого доверительного статуса межличностных отношений коммуникантов); 3) стратегия повышения статуса коммуникативного партнера (цель — самокоррекция «Я-темы» в пользу речевого «Я» собеседника); 4) стратегия самопрезентации (цель — моделирование образа говорящего); 5) стратегия создания позитивной тональности общения (цель — создание позитивной тональности общения) [Ланских 2008].

К стратегиям конфликтного речевого поведения отнесены: 1) стратегия понижения статуса коммуникативного партнера (цель — создание негативной концепции личности коммуникативного партнера); 2) стратегия самопрезентации (цель — моделирование образа говорящего); 3) стратегия доминирования говорящего (цель — несанкционированное присвоение доминирующей роли); 4) стратегия коммуникативного противостояния (цель — противопоставление своего и чужого коммуникативных пространств); 5) стратегия гармонизации общения (цель — сглаживание противоречий); 6) стратегия негативной тональности общения (цель — создание негативной тональности общения) [Ланских 2008].

Исследуя тексты блога в рамках лингвопрагматического подхода, мы попытаемся выявить ключевые стратегии и тактики, используемые блогером Е. Ройзманом.

3.2. Лингвопрагматический анализ блога Е. Ройзмана

Блог roizman можно рассматривать как своеобразное средство массовой информации, пиар-блог — гипержанровое образование, способное не только презентовать образ автора, но и «последовательно вводить в круг общественно значимых тем, обсуждаемых СМИ и анализируемых властью, события, связанные с повседневной деятельностью блогера (как правильно, профессиональной)» [Данилов 2011: 4]. Коммуникативная цель блогера заключается в передаче информации о резонансных событиях (прежде всего уральского региона), которые должны «получить максимально широкую огласку, стать значимым не только для участников происшествия, но и для жителей региона и страны, для СМИ и государственной власти» [Данилов 2011: 7]. Проблемы, поднимаемые блогером в сообщениях, и их субъективное переживание в данном случае определяют его речевое поведение.

3.2.1. Кооперативные стратегии речевого поведения в блоге Е. Ройзмана

Для интерпретации кооперативных стратегий и тактик речевого поведения блогера Е.Ройзмана использованы записи разных лет. Их интерпретация позволит выявить коммуникативные предпочтения общественного деятеля и, возможно, динамику его речевого поведения. Особую значимость приобретает текст так называемого «верхнего поста», задающего коммуникативные правила общения с адресатом. До избрания

мэром этот пост содержал информацию о личности блогера и его ключевых общественных проектах.

«Друзья!

Я пишу сам. Пишу, когда есть возможность. Если честно, просто надиктовываю (печатают помощники). Также сам читаю всю френдленту (у меня нет групп друзей), отслеживаю комментарии и отвечаю на них».

В данном отрывке верхнего поста реализованы *кооперативные стратегии*: **стратегия самопрезентации**, реализованная в **тактике самохарактеризации** (лексический маркер *сам*, категорично утверждающий авторство текстов) и **стратегия искренности**, выраженная в **тактике признания** (лексический маркер *если честно*).

«В чем суть Фонда?

Собираем информацию с земли. Собираем информацию от населения. Анализируем. Систематизируем. Самостоятельно отработываем информацию (с привлечением правоохранительных органов). <...>

Весь путь прошли сами и создали систему, которая на протяжении 12 лет показывает свою эффективность».

В данном отрывке верхнего поста дана развернутая характеристика деятельности фонда, что также можно назвать проявлением **тактики самохарактеризации**: автор создает положительный образ независимой, честной и эффективно работающей организации, к которой на данный момент принадлежит. Использование форм глаголов множественного числа демонстрирует стремление к самоидентификации себя на основе принадлежности к «Мы-общности».

«Фонд - это наше общее. Это, по сути, восстание граждан против наркоторговцев. Восстание успешное. И я, как один из участников, не хочу, чтобы оно захлебнулось из-за отсутствия денег. Это было бы несправедливо.

Поэтому обращаюсь ко всем, кто нас понимает и поддерживает, кто хочет участвовать в борьбе против наркоторговцев вместе с нами, и кто просто хочет помочь».

В данном фрагменте реализуется **тактика создания Мы-общности**, которая выражается в использовании лексического маркера *наше общее* и обращении к общественно значимой идее борьбы с наркоторговлей, иняющей автора блога и читателей. Также манифестирована **тактика призыва к совместному действию** (после фразы *обращаюсь ко всем, кто...* были указаны реквизиты фонда). Обе тактики конституируют **стратегию солидаризации**, являющуюся кооперативной.

В целом, все посты о деятельности фонда «Город без наркотиков» транслируют образ честного смелого человека, занимающегося непростым общественно-важным делом, защитника справедливости, патриота. Ярким примером может послужить серия записей о событиях, произошедших в Сагре (август 2011). Стоит отметить, что roizman является одним из тех блогеров, кто привлек внимание общественности к этому происшествию. Блогер подробно освещал не только подробности произошедшего, но и ход расследования [Данилов 2011: 14-16].

Ярким проявлением **тактики самохарактеризации** можно назвать посты, которые предъявляют читателям результаты деятельности блогера. Примером могут послужить записи «Отчет Фонда «Город без наркотиков» за март 2012. 1 часть» и «Отчет Фонда «Город без наркотиков» за март 2012. 2 часть», в которых в деталях описаны все проведенные организацией операции и подведены итоги месячной работы:

«...На следующий день 14 марта, там же, в Тагиле, с Дзержинскими, хлопнули еще одного цыганского бегунка с героином. Он дал расклады по цыганам. Работаем дальше.

В этот же день, с уголовным розыском Октябрьского, работали по малолеткам, которые торгуют в школе №62...».

Данные записи не являются единственными в сетевом дневнике, раньше roizman публиковал подобные отчеты каждый месяц. В таких постах представлено много фактической информации, что говорит о стремлении к открытости и честности в работе организации.

Особенно ярко проявляется **тактика самохарактеризации** в рамках **стратегии самопрезентации**, представляющая поведение субъекта и его коллег как высокоморальное, а потому вызывающее уважение. В этом случае roizman акцентируются активная гражданская позиция, самоотверженность и принципиальность, особенно в вопросах нравственности.

«Рассказывал, когда в понедельник все собрались на оперативку, и денег было впритирку - раздать зарплату. Один из наших сказал, что можно напрямую закупиться из рук в руки. Все вздохнули и рискнули зарплатными деньгами. И все получилось» (Запись «Получилось» от 9 февраля 2011 года).

В данном отрывке подчеркивается принципиальность не только самого автора, но и его рабочего коллектива: деньги на проведение операции, а именно на покупку наркотиков, работники фонда взяли из тех денег, которые были предназначены для их собственных зарплат. Как отмечает блогер, *«закупочные деньги не всегда возвращаются»*, то есть коллектив мог остаться без зарплаты в тяжелой на тот момент для организации финансовой ситуации. Подобная самоотверженность, зафиксированная в блоге, создает положительный образ фонда «Город без наркотиков».

«Мне многое удавалось в жизни. Я писал стихи. Издавал книги. Создавал музеи. Выстраивал бизнес. Выигрывал гонки. Помогал людям. Воевал с наркоторговцами.

И много работал». (Запись «Самое дорогое» от 18 января 2014 года)

Блогер Ройзман описывает свою деятельность с помощью специфического речевого хода – одинаковых синтаксических конструкций, представляющих собой неполные предложения, состоящие из сказуемого и дополнения (первое и последнее предложения в перечислительном ряду по структуре отличаются). Автором подчеркивается значимость интенсивного

труда: последнее предложение («*И много работал*») оформляется отдельным абзацем, после этого перечисление занятий завершается. Блогер характеризует себя как успешного человека, приложившего к собственным достижениям немало усилий.

Характеризуя собственную личность, Ройзман нередко отходит от однобокого представления о себе как о руководителе общественного фонда. Для него важным оказывается продемонстрировать своё творчество, благотворительную деятельность, ориентацию на здоровый образ жизни. В профиле блога перечислены все общественные проекты, которыми блогер на данный момент занимается: музей «Невьянская икона», галерея Артптица и магазин Букинист, также присутствуют ссылки на книги, написанные Ройзманом.

В подобных записях последовательно реализуется **тактика самохарактеризации**, с помощью которой с определенной мере развенчивается стереотипное представление о Евгении Ройзмানে как необразованном человеке, который имеет контакты только с преступным миром.

«Я попросил обсудить на Ученом Совете предложение от музея "Невьянская икона" для истфака: две разовые стипендии по пятьдесят тысяч рублей по итогам года за лучшую студенческую работу о Екатеринбурге (прошлое, настоящее, будущее) и за лучшую студенческую работу по истории Горнозаводского Урала. <...>

«Давно уже хотел это сделать». (Запись «Стипендия» от 11 января 2012 года)

В данной записи блогер описывает свое намерение к поощрению студентов, которые занимаются историей родного края и города, что не может не быть одобряемо уральским сообществом. Наводится представление о Ройзмানে как инициативном человеке, занимающемся благотворительностью. Ещё раз подчеркивается мысль о том, что общественная деятельность этого человека направлена на поддержку и защиту молодежи. Однако эта защита

может проявляться не только в виде борьбы с наркоманией (в заглавной записи, которую пришлось убрать после избрания на должность мэра, был приведен девиз фонда: «*ПОСАДИ наркоторговца. СПАСИ жизнь НАШИХ ДЕТЕЙ*»), но и в финансовой поддержке молодежных проектов, которые позволят развиваться нашему обществу.

Речевое поведение Евгения Ройзмана в период избирательной кампании характеризуется большим количеством речевых ходов, манифестирующих **тактику создания Мы-общности** (в рамках стратегии солидаризации). Ройзманом часто используются формы глаголов 1 лица множественного числа, характеризующие достижения его предвыборного штаба.

«Обработано более 15% бюллетеней.

*В среднем отрыв от Силина составляет 10%. **Выигрываем**»* (Запись «Подтверждается» от 8 сентября 2013 года).

«По данным Горизбиркома обработано 465 участков. У меня - 33%, у Силина - 30%.

***Выигрываем**»* (Запись «Из первых рук» от 9 сентября 2013 года).

Победа на выборах позиционируется Ройзманом не как его личное достижение, а как победа коллективная: его предвыборного штаба, всех горожан, голосовавших за него.

«Спасибо, Екатеринбург!» (Запись «**Мы** победили» от 9 сентября 2013 года).

Тактика выражения благодарности реализована здесь этикетной формулой, в которой в позиции обращения используется топонимическая номинация – *Екатеринбург*, использованная в метонимическом значении (граждане Екатеринбурга). Заголовок поста («Мы победили») подтверждает мысль о том, что тактика выражения благодарности реализует здесь **стратегию солидаризации**.

Назначение на пост мэра кардинально не изменило принципы самопрезентации Е. Ройзмана: несмотря на невозможность теперь позиционировать себя как часть «Мы-общности» (фонда «Город без

наркотиков»)), он продолжает использовать **тактику самохарактеризации**, позиционируя себя как человека действия, который, будучи избранным во власть, не хочет становиться частью «бездушной» политической «системы».

«Как только ты начинаешь отстаивать интересы конкретного человека, ты сразу же заходишь в конфронтацию с системой. А если тебя избрали, и ты еще собираешься избираться, в этом случае ты начинаешь работать против себя. <...>

*Есть только один способ противостоять этому ходу событий. **Надо просто работать.** Вот так, втянул голову в плечи и работаешь. И оно как-то само вывозит.*

*Короче, **делай, что должен и будь, что будет**» (Запись «Политическое кредо» от 14 марта 2014 года).*

Приведенный пост озаглавлен как «*Политическое кредо*», то есть содержание записи по замыслу автора передает его убеждения, мировоззрение. Блогер предстает перед читателями человеком, который стремится добиться справедливости даже в ущерб себе (*ты начинаешь работать против себя*), так как он неравнодушен к проблемам отдельных людей.

В связи с избранием Ройзмана главой администрации города и сложным положением фонда «Город без наркотиков» отчеты о деятельности этой организации стали появляться в записях блогера реже, но они охватывают по своему содержанию большие временные промежутки. Примером может послужить запись «Город без наркотиков» от 31 марта 2014 года:

*«**29 января в Березовском задержали Костю Голомолзина, 1980 г.р., по прозвищу «Мозя». При себе MDPV. Хранение в особо крупном.** <...>*

***29 марта так же со звонка из Страны на ул. Белореченской д. 9/1 задержали Колю Волкова 1980 г.р. Дома нашли полкило анаши. Так-то не семи пядей, а скурил бы, так и вовсе б с глузду съехал. Пусть еще спасибо скажет.** <...>*

В этом году за три месяца 95 операций».

В 2015-2016 годах блогер roizman концентрирует внимание аудитории на записях о приемах населения, которые он периодически проводит в качестве мэра города:

«Саша пришла, сирота. Шесть лет назад вышла из приюта, до сих пор жилья нет. Есть судебное решение, мы и занимались. Сейчас попробуем получить» (Запись «Прием» от 11 июня 2015 года).

«Столько народу на прием пришло. Одному человеку мы помогли найти погибшего отца, он его всю жизнь искал. А у нас получилось». (Запись «С утра в кабинет не мог пробиться» от 18 апреля 2015 года).

Также в текстах находит отражение **тактика призыва к совместному действию (стратегия солидаризации)**, то есть к помощи попавшим в беду людям, встречаются формулировки: *«Если что, у Лары все контакты»*; *«Из тех, кто читает, есть какая-то возможность помочь?»*; *«Кто хочет помочь - Степан Чиганцев занимается»*; *«Наши действия?»*; *«Есть подсказки?»*. Блогер указывает тех, кто выступит в роли координатора действий (*У Лары все контакты, Степан Чиганцев занимается*), задает вопросы аудитории, вовлекая её в обсуждение вопросов, связанных с благополучием граждан.

Описывая деятельность своей команды на приемах с использованием **тактики создания Мы-общности в рамках стратегии солидаризации**, Е. Ройзман отмечает, что он и его помощники справляются со своей работой (*мы и занимались, мы помогли найти*). В случае, если проблемная ситуация разрешается не сразу, блогер возвращается к ней: примером может послужить запись «Получилось» от 17 апреля 2015 года, ситуация, о которой рассказывается в данном посте, изначально описывается в записи «Прием» от 13 февраля 2015 года.

Е. Ройзман периодически извещает о времени и месте приема населения, повторяя одну и ту же фразу-приглашение, в чем реализуются

стратегия солидаризации и тактика демонстрации готовности к сотрудничеству:

«Буду вести личный прием в четверг 8-го мая в 102-м кабинете, внизу. Кому нужен — приходите» (Запись от 5 мая 2014 года).

«Завтра с 10.00 веду личный прием, кому нужен — приходите» (Запись «Прием» от 5 июня 2014 года).

Анализируя речевое поведение Ройзмана, можно также отметить **тактику противопоставления Они-общности**, которая относится к **стратегии солидаризации** и весьма значима для сетевого дневника roizman. До начала противостояния с губернатором Е. В. Куйвашевым в качестве представителей «Они-общности» выступали наркоторговцы (часто отмечается этническая принадлежность наркоторговцев) и люди, которые помогали им уйти от ответственности. Для противопоставления обществу наркоторговцев блогер всячески подчеркивает их чуждость:

«Представляете, граждане чуждого государства живут среди нас, нагло продают наркотики нашим детям - а мы ничего не можем с этим сделать?!» (Запись от 13 февраля 2006 года)

В качестве «Они-общности» на протяжении предвыборной кампании и некоторое время после назначения Евгения Ройзмана на пост мэра города Екатеринбурга выступают чиновники и полицейские, подчиняющиеся действующему губернатору:

«Здесь на выборах мэра против меня пошла волна чернухи. <...>

Первое: заезжие пиарщики и их хозяева считают, что здесь в Екатеринбурге они имеют дело с идиотами (тем самым демонстрируют полное непонимание природы Екатеринбурга).

И второе: я уверенно лидирую (что показывают все их соц.опросы) и они ничего не могут с этим сделать» (Запись «Победим» от 14 августа 2013 года).

Блогер резко противопоставляет себя и жителей города команде, занимавшейся продвижением кандидата от власти на выборах мэра, и самой

власти. Он обращает внимание на то, что противостоящие ему люди не живут в Екатеринбурге (*заезжие* – ‘ненадолго или случайно заехавшие’ [БТС 2014: электр. ресурс]), недооценивают жителей Екатеринбурга (*считают, что ... имеют дело с идиотами*), не являются компетентными в своей области (*демонстрируют полное непонимание природы Екатеринбурга, ничего не могут с этим сделать*). Подробная характеристика «чужих» для города «элементов» способствует **стратегии солидаризации** блогера с живущими честно и достойно земляками.

Необходимо отметить, что в блоге также используется **тактика самокритики** (в рамках **стратегии искренности**) при признании собственных ошибок:

*«Многие обратили внимание, что я и **malenkin** убрали текст про Норильских журналистов. <...>*

*Полагаю, что вся история связана с алкоголем и удивительной безответственностью непосредственных участников событий. **Но тогда, в пятницу вечером, у нас не было возможности разбираться, и мы делали то, что мы должны были в этой ситуации делать.***

Давно я с таким не сталкивался.

Еще раз приношу всем свои извинения» (Запись «Лажа» от 25 января 2011 года).

Блогер приносит извинения, признав, что на момент публикации спорного поста информация не была подтверждена (сама публикация удалена, так как не отражала реального положения дел).

Таким образом, как показывает анализ материала, кооперативные стратегии и тактики играют важную роль в речевом поведении Е.Ройзмана. Среди них доминируют стратегия самопрезентации, реализуемая через тактику самохарактеризации, стратегия солидаризации, находящая воплощение в тактиках формирования «Мы-» и «Они-общностей», тактике демонстрации готовности к сотрудничеству. Находит свою манифестацию и стратегия искренности, представленная в тактиках признания и самокритики.

Репертуар кооперативных стратегий и тактик в блоге практически не меняется: и до избрания во власть, и после этого блогер использует названные стратегии для формирования и поддержки образа активного общественного деятеля, выполняющего свой долг перед городом.

3.2.2. Конфликтные стратегии речевого поведения в блоге Е. Ройзмана

Речевое поведение Е. Ройзмана долгое время характеризовалось частым использованием конфликтных стратегий и тактик. С первых дней создания блог «Сила в правде» становится площадкой, используемой для общественной и политической борьбы, что является причиной создания в текстах яркого образа врага. Объединяясь со своей аудиторией против «Они-общности», блогер использует конфликтные стратегии и тактики речевого поведения.

Во время работы в фонде «Город без наркотиков» Е. Ройзман публикует отчеты о деятельности организации, в которых активно используются тактики, конституирующие **стратегию понижения коммуникативного статуса оппонента**.

«В Тагиле задержали Сергея, 1982 г.р. при себе героин, Райскую Лену, 1980 г.р. тоже при себе героин, с ними Волков Руслан, 1983 г.р. Брали у цыганки Розы с Рудника. Выдали меченые деньги, отправили закупаться. Хлопнули Червоню, по фамилии Видак, 1994 г.р. и Розу Видак, 1994 г.р. Она только год назад освободилась, сидела за торговлю. Она родная сестра Маера Видака, который тоже недавно освободился, тоже мы закрывали. Нашли там все меченые деньги и еще около 30 гр. героина» (Запись «Отчет Фонда «Город без наркотиков за ноябрь-декабрь и 2013 год» от 30 декабря 2013 года).

Наиболее часто используется **тактика обличения**: блогер описывает антиобщественную и противозаконную деятельность наркоторговцев,

раскрывает их личные данные (имена, возраст, род занятий, наличие судимостей), рассказывает, за что они задержаны.

По отношению к наркоторговцам Е. Ройзман часто использует такие резкие выражения, например, как: *на редкость продуманный барыга, продуманный говнюк, кайфожоры* (в этом реализуется **тактика оскорбления**).

«В свое время мы с Дюшей называли одного подонка в глаза наркоторговцем. Он каждый раз подавал на нас в суд. И каждый раз выигрывал. Извиняться нам, конечно, не приходилось, но деньги мы вынуждены были платить исправно. Так регулярно называли наркоторговца наркоторговцем за свои деньги.

Прошло три года и его поймали ФСБшники». (Запись «Для Екатеринбурга» от 23 ноября 2007 года)

В данной записи реализуются **тактика оскорбления** (*подонки* – разг. бран. ‘низкий, подлый человек’ [БТС 2014: электр. ресурс], а также **тактика демонстрации собственной правоты**, конституирующая конфликтную **стратегию самопрезентации**: человек, названный наркоторговцем, действительно им является, более того, он получает заслуженное наказание за свои преступления.

Период противостояния с областными властями также характеризуется использованием конфликтных стратегий и тактик. Часто реализуется **стратегия понижения коммуникативного статуса оппонента**.

«Я понимал, что за мою победу попытаются отыграться на Аксане, но у меня даже предположений не было, что эти лживые доносчики - кремко, стуликовы, беленосовы потребуют изменения меры пресечения!

<...> UPD: Суд отказал. Но у всех осталось ощущение, что действия были согласованы. Показали возможные развития событий. Поиграли. Я же говорю — людоеды» (Запись «Людоеды» от 18 сентября 2013 года).

«Засекреченный свидетель. Измененный голос из тайной комнаты. Ложный донос. И думала, что никто не узнает.

*Ей дали гарантии **такие же подонки, как она сама.** <...>*

*Смотрите, вот она, **подлая гиена - Валька Гофенберг.***

*Город должен знать своих **подонков**» (Запись «Гиена» от 27 ноября 2013 года).*

Тактика оскорбления в приведенных примерах реализуется в оценочных номинациях: *людоед* в значении ‘о жестоком, кровожадном человеке, убийце многих людей’ (разг., публ.), *подлая* в значении ‘бесчестный, низкий’, *гиена* в значении ‘о злом, коварном человеке’ (бран.), *подонки* в значении ‘деклассированные, разложившиеся, преступные элементы общества’ (презрит.) [БТС 2014: электр. ресурс]. Фамилии свидетелей обвинения roizman пишет с маленькой буквы и во множественном числе, таким образом обозначая тип нечестного человека. Также реализуются **тактики обвинения и обличения**. Е. Ройзман раскрывает личность человека, который тайно свидетельствовал против Аксаны Пановой, обвиняет в даче ложных показаний всех свидетелей обвинения.

*«Впервые столкнулся с такой **подлой, мелкой и злобной властью.** И уровень их поступков показывает их личный уровень. **Шантаж, угрозы, ложь, - уголовщина, причем, всегда чужими руками и от чужого имени. Трусы потому что. Это уровень Куйвашева, уровень Багарякова и других холуев**» (Запись от 7 сентября 2013 года).*

В данной записи реализуется конфликтная **стратегия понижения статуса политического оппонента: тактики обвинения** (блогер обвиняет группу людей в уголовно наказуемых действиях), **тактика осуждения** (*подлая, мелочная и злобная власть*) и **тактика оскорбления**: Е.В. Куйвашев, А.В. Багаряков и группа близких им людей названы *трусами* и *холуями* (в значении ‘раболепный приспешник, подхалим’, что маркируется как презрительное [СОШ 2006: 867]).

*«Неожиданно на завтра, на 10 утра, назначили суд по Аксане. **Они откровенно расценивают ее как взятого у меня заложника.** Ситуация крайне*

тяжелая. Но этим дебилам тоже не позавидуешь. У них как в той истории:

- Я медведя поймал!*
- Тащи его сюда.*
- Дак, он не идет.*
- Сам иди.*
- Дак, он не пускает!!!*

Начинают понимать, что залезли в дерьмо, но при этом совершенно не знают, что делать. Тоже ведь задача - по заведомо ложным доносам ссыкливых мужиков закатать женщину в тюрьму. Как-то ведь потом после этого жить надо. Они думали, что будет быстро и тихо. А оно, вон как, получилось. Завтра буду в суде» (Запись «Заложник» от 29 августа 2013 года).

Зачастую roizman не называет конкретных имен, обозначая группу людей, с которой вступил в противостояние, местоимением *они*. В данной записи реализуется конфликтная стратегия понижения статуса политического оппонента: тактики обличения (*по заведомо ложным доносам ссыкливых мужиков закатать женщину в тюрьму*) и насмешки (выражается в цитировании анекдота, с которым сравнивается сложившаяся ситуация).

«На встрече:

- Женя, ну ведь они тебе все равно не разрешат стать мэром!

- Так я же их не спрашиваю». (Запись «Без спросу» от 16 августа 2013 года)

В данной записи проявляется тактика насмешки, которую можно назвать яркой чертой речевого поведения данного блогера. Так, например, в записи «Рассказ» от 13 февраля 2014 года повествуется о звонке, который перепугал чиновников, так как Ройзман назвал своего собеседника Владимиром Владимировичем и специально ввел окружающих в

заблуждение, тем самым проявив ироничное отношение к чиновничеству и к возвеличиванию образа президента В.В. Путина.

Стоит отметить, что осуждение у roizman вызывают люди, поступки которых не совпадают с его представлениями о нравственности, даже те, которые имеют достаточно высокий статус в обществе. Оценка этих персон осуществляется с помощью грубой, жаргонной лексики:

«На НТВ идет программа сегодня. Я знал, что в этой программе работают жополизы. Но я не подозревал, что они от этого еще и кайфуют. В смысле, не от того, что работают на НТВ, а от самого процесса жополизательства!» (Запись «Унылое говно» от 27 декабря 2011 года).

Негативной оценке данного блогера человек может быть подвергнут вне зависимости от социального статуса и профессиональной деятельности:

«Объясняю. Создали этот лютый шедевр для нас, Уральцев четыре москвича.

Леонтьева, по прозвищу Лемур, конченная нарколага и наркоторговка, которая не прекращала колоться даже когда была беременной, родила ребенка наркомана, сейчас ее лишают родительских прав, мало того, в настоящий момент она сидит за торговлю наркотиками, что для нее не плохо, потому что муж ее от наркотиков умер.

Полицейский Строганов, которого сюда перевели из Москвы, явно не на повышение, а скорее всего, просто спрятали.

Полицейский Мезитов, тоже приехавший из Москвы, которого с Уралом связывает только то, что какой-то родственник сидит в Тагиле, на 13 за вымогательство.

И, наконец, сам потрепанный Караулов, который имел наглость меня, свободного человека, хватать за пальто и настойчиво зазывать в свою передачку.

Мне 50 лет. Ни разу в жизни я не пользовался услугами проституток. С чего вдруг Караулов решил, что я сделаю для него исключение?» (Запись «Момент истины» от 28 августа 2013 года)

В записи проявляется **стратегия понижения статуса политического оппонента** и **тактика обличения**: документальный фильм создан людьми, которым нельзя доверять, так как они занимаются антиобщественной деятельностью (наркоманка, продажный полицейский, продажный журналист). Кроме того, заключительный абзац записи реализует **тактику демонстрации личного превосходства** в рамках конфликтной **стратегии самопрезентации**: наводится представление о том, что журналист Андрей Караулов за деньги создает компрометирующие передачи и общение с таким человеком понизит собственный статус Ройзмана.

В записи «Позвонила заезженная проститутка Андрей Караулов» от 24 августа 2013 года негативная оценка отражена в самой заголовочной единице, и, хотя эпизод программы «Момент истины», посвященный Ройзману, еще не вышел, блогер подозревает Караулова в том, что тот *«уже какую-то пакость сделал, а теперь пытается проложиться»*.

Иногда данному блогеру приходится прибегать к конфликтной **стратегии доминирования говорящего**, а именно к **тактике угрозы**, для того, чтобы позиционировать себя как сильного и опасного для врагов субъекта.

«Мерзавцам, которые это сделали, подсказываю: все, что найдете в моей почте - выкладывайте в открытый доступ. Пусть все добрые люди спокойно читают.

И вы, мерзавцы, тоже внимательно прочитайте. Потом распечатайте себе по экземпляру, сверните в трубочки и заколотите себе в задницы» (Запись «Взломали мою почту» от 5 апреля 2012 года).

В данном случае roizman описывает неприятную ситуацию, случившуюся с ним, и дает понять виновникам происшествия, что они ничего не добились, взломав его электронную почту. Используется **тактика**

оскорбления: взломщики названы мерзавцами ('мерзкий, подлый человек, негодяй' [БТС 2014: электр. ресурс]). **Тактика рекомендации,** манифестированная в финале записи, описывает совершение неприятных для адресата действий и содержит вульгаризм, поэтому может быть интерпретирована как конфликтная.

Тактику угрозы автор использует редко, чаще можно обнаружить **тактику предостережения,** как, например, в записи от 27 марта 2012 года: *«На оперативке поставили задачу - во время операций оформлять всех кто попадает».* Таким образом блогер дает наркоторговцам понять, что их преступления не останутся безнаказанными.

Общественная активность Ройзмана сопряжена с конфликтными ситуациями и провокациями со стороны недоброжелателей, поэтому для разъяснения спорных ситуаций автор часто пользуется в блоге **тактикой отрицания вины** (конфликтная стратегия гармонизации общения). Примером реализации тактики может послужить пост «Ушлепки» от 12 сентября 2012 года, в котором автор утверждает, что названные люди, занимавшиеся преступной деятельностью, не имеют никакого отношения к фонду «Город без наркотиков»:

«В Асбесте, бывший милиционер, помощник участкового Максим Баранов, уволившись из милиции, решил продолжить свою карьеру в общественном статусе. Попытался зарегистрировать ООО "Город против наркотиков". У него не пролезло, тогда он напечатал удостоверения, себе - 001, остальным поплоше. Затянул какого-то блатного, смотрящего по Асбесту Козионова Дениса - удостоверение 002. И еще шестерых человек.

И вот эта банда дырявых занялась получаловом с местных барыг и варищиков, разбоями, грабежами, вымогательством и поджогами магазинов. Каждый раз потерпевшим совали в нос удостоверения. <...>

У Фонда никогда не было удостоверений».

В настоящее время Е. Ройзман редко демонстрирует конфликтное речевое поведение в блоге, так как конфликт с областными властями перешел

в «замороженную» фазу, а сам блогер больше не участвует в деятельности фонда «Город без наркотиков». Сейчас все усилия блогера направлены на решение повседневных проблем горожан, что приводит к преимущественному использованию в записях блога кооперативных стратегий и тактик.

Выводы по 3 главе

Речевое поведение блогера roizman направлено на поддержание образа активного и принципиального общественного деятеля, отвечающего за свои слова и поступки. В период острой политической борьбы с областной властью и общественной деятельности в фонде «Город без наркотиков» Е. Ройзманом часто строятся тексты с конфликтным «запалом», прежде всего на основе использования конфликтных тактик оскорбления, обличения, обвинения, конституирующих стратегию понижения статуса оппонента. Эти тактики сопровождали борьбу блогера с наркоторговцами и открытое противостояние с администрацией губернатора Е.В. Куйвашева.

Назначение на пост мэра, а также уход из организации «Город без наркотиков» и замораживание конфликта с областными властями в некоторой степени скорректировали речевое поведение блогера: roizman нацелен на гармонизацию общения с аудиторией. С помощью блога Ройзман всегда пытался решать общественные вопросы, используя кооперативные стратегии и тактики, однако в последнее время они стали значительно доминировать в текстах. Важную роль в речевом поведении блогера играет стратегия самопрезентации, реализуемая через тактику самохарактеризации, нацеленная на создание и поддержание образа равнодушного, разносторонне развитого человека, стремящегося помочь людям.

Глава 4. Стилистическая специфика речевого портрета блогера Е. Ройзмана

4.1. Теоретические предпосылки исследования вербально-семантического уровня

Описание речевого портрета блогера на вербально-семантическом уровне предполагает выявление стилевых особенностей письменной речи конкретной языковой личности.

Стиль — многозначное понятие. Чаще всего исследователи определяют его как «разновидность языка, закрепленная в данном обществе традицией за одной из наиболее общих сфер социальной жизни и частично отличающаяся от других разновидностей того же языка по всем основным параметрам — лексикой, грамматикой, фонетикой. Три наиболее крупных стиля языка в этом значении — это нейтральный, книжный (более «высокий») и разговорный (более «низкий»)» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 494-495]. Т.В. Матвеева отмечает, что нейтральный стиль «восходит к общенародному языку... и составляет общий стилистический фон речевой деятельности», книжный стиль «связан со всеми интеллектуальными сферами деятельности и носителями — образованной частью общества, а сниженная разновидность языка «восходит к первоначально общей непринужденной устной речи, а также речи социальных низов» [Матвеева 2010: 465]. Крупные исследователи-стилисты М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский отмечают, что в интернет-общении «снимаются ограничения, накладываемые на речь в официальном общении, речь становится свободной и раскованной и сближается с разговорной», «в ряду нейтральных языковых средств широко используются жаргонизмы, в том числе грубые» [Кожина 2008: 386]. Представляется, что блоги публичных людей будут демонстрировать широкую палитру стилевых черт.

Стиль понимается в функционально-стилевом аспекте как «разновидность литературного языка, в которой язык выступает в той или иной социально значимой сфере общественно-речевой практики людей и особенности которой обусловлены особенностями общения в данной сфере» [Лингвистический энциклопедический словарь 1990: 567-568]. В лингвистической литературе есть традиция рассматривать функциональные стили в связи с представлением о функциях языка (по В. В. Виноградову, функции общения, сообщения, воздействия). На этом основании выделяются такие стили, как обиходно-бытовой (реализует функцию общения), официально-документальный и научный (реализуют функцию сообщения), публицистический и художественно-беллетристический стили (реализуют функцию воздействия) [Виноградов 1963: 201]. Ученые отмечают функционально-стилистическую разнородность языка Интернета, поскольку неоднородны интернет-жанры, связанные с различными сферами общения, представленными в сети [Кожина 2008: 384].

Компьютерное общение, вместе со стилем масс-медиа, занимает срединное положение по оси рациональности, которая представлена официально-деловым стилем, со строгим делением на логические отрезки, с использованием стандартных языковых конструкций, на одном полюсе и обиходно-разговорным стилем, характеризуемым отчетливо выраженным авторским началом и эмоциональной окрашенностью речи, на другом. Компьютерное общение характеризуется экспансией в сторону всех стилей, так как компьютерное общение имеет черты бытового общения (от одного пользователя к другому), официально-делового (официальный обмен информацией), научного стиля (обсуждение научных вопросов) [Галичкина 2001: 157-159]. Однако в связи с изучением блогов, часть из которых в последнее время приравнена к СМИ, чаще всего говорят о стилевых чертах, присущих публицистическому стилю: «сочетание экспрессии и стандарта, социальной оценочности, адресованности и т.д.» [Кожина 2008: 384].

В данном исследовании *стиль* будет пониматься прежде всего как «разновидность национального языка в его индивидуально присвоенном, творчески преломленном речевом виде, речевая манера личности» [Матвеева 2010: 465]. Носителем индивидуальной манеры речи является языковая личность. М. Я. Дымарский говорит об индивидуальной речевой манере как способе «речевого поведения, определяемом типом социальной (в том числе коммуникативной) позиции, доминирующей в социальном бытии индивида, его характером и темпераментом» [Дымарский 2005: 141]. По его мнению, «это аспект речевого поведения, включающий предпочитаемые индивидом синтаксические и интонационные конструкции, клише и штампы, пласты фразеологии и лексики» [Дымарский 2006: 82]. В. И. Карасик, видящий в речевой манере аспект коммуникативной компетенции, базирующийся на языковом чутье и языковом вкусе и включающий «систему установок человека в отношении языка и речи на этом языке» [Карасик 2003: 27]. «Индивидуально-речевой аспект опирается на понятие речевой компетенции личности и обеспечивается стилистической квалификацией частотных в речевой практике личности языковых единиц» [Асташова 2013: 5].

Кроме того, здесь можно отметить и необходимость изучения стиля оформления блога. Невербальная составляющая коммуникации блогера со своей аудиторией очень значима. «Устное контактное непосредственное общение немислимо без невербальных компонентов» [Формановская 2002: 198]. Однако и в письменной дистантной коммуникации, каковой является взаимодействие блогера с читающей аудиторией посредством сети Интернет, невербальные знаковые элементы не менее важны.

Блог, без сомнения, является текстом поликодового характера, где языковые знаки выступают не изолированно, а в единстве с невербальными [Пикулева 2003: 132]. Для обозначения подобного явления используется также термин креолизованные тексты, или «тексты, фактура которых состоит из двух негомогенных частей: вербальной (языковой / речевой) и

невербальной (принадлежащей к другим знаковым системам, нежели естественный язык)» [Сорокин, Тарасов 1990: 180-181].

Для того чтобы сделать выводы о влиянии поликодовости на формирование образа автора блога, целесообразно проанализировать наличие и своеобразие графических изображений, аудио- и видеозаписей, размещенных на странице, а также использование гиперссылок и тэгов. Объем подобных элементов формально неограничен.

В практической части главы мы постараемся выявить стилистическую специфику индивидуальной манеры речи блогера Е. Ройзмана, а также проанализировать стиль оформления текстового пространства блога.

4.2. Речевая манера блогера Е. Ройзмана

Блог общественного деятеля Евгения Ройзмана можно рассматривать как своеобразное средство массовой информации, прежде всего информирующее читателя и за счет информации воздействующее на него, поэтому для данного блогера характерна ориентация на публицистический функциональный стиль в его неофициальной разновидности, где активно задействуются экспрессивно-воздействующие единицы с оценочной функцией.

Roizman обновляет свой электронный дневник, после того как происходит определенное событие (как негативное, так и позитивное), о котором он старается сообщить своим подписчикам.

«Стою на светофоре, сворачиваю с Луначарского на Малышева, передо мной стоит "Тойота", синенькая такая. Вдруг водительское окошко открывается, и выбрасывают пустую пачку. Я хотел быстро выскочить и засунуть ему эту пачку обратно в окошко. В это время зажегся светофор, и они поехали. Я догнал их на следующем светофоре, встал рядом, открыл окно, посигналил. Сидит девица, в профиль, не поворачивается. Цыгарка в

зубах. Я ей говорю: "Эй, вы чего?" Она поднимает на меня глаза, и искренне так говорит: "А че?"

И я вдруг подумал, может ей просто никогда не говорили, что люди - не свиньи, и что мусорить - нехорошо?» (Запись «Задело» от 1 апреля 2012 года)

В фокусе внимания блогера социально-значимые события, поэтому большинство постов в данном дневнике — это тексты-повествования, для которых характерна короткая интрига, небольшое количество действующих лиц, прямой хронологический порядок развертывания сюжета.

События могут стать и поводом для рассуждений автора, при этом свою точку зрения goizman высказывает достаточно категорично. Призывая бороться с несправедливостью, автор использует этическую аргументацию. Это демонстрирует, например, запись «Любимый город Путина» от 10 апреля 2012 года:

«Произошло это 11 декабря 2011 года. Прошло четыре месяца. По делу все понятно: давно можно было раскрыть. Случай не единственный. Власть молчит. Пойти людям некуда. Говорить они боятся. Потому что говорят: "Нам здесь жить". А я считаю, что надо говорить. Именно потому, что нам здесь жить».

Схожая ситуация — в посте «Посмотрите» от 27 марта 2012 года. Событие провоцирует выражение категоричной авторской точки зрения, наполненного оценочными единицами, что соответствует установки публицистических текстов на социальную оценочность:

«Сейчас в 19-50 по Первому каналу пойдет передача Малахова "Пусть говорят".

Передача очень серьезная. После передачи с трудом удалось избежать мордобоя и смертоубийства. И события получили несколько неожиданное продолжение, о котором расскажу позднее.

Кто посмотрит - скажите свое мнение.

На мой взгляд, основная проблема - тотальная деградация системы власти, патологическое нежелание и неумение работать и высокомерное и брезгливое отношение к собственным гражданам».

Для блогера Евгения Ройзмана характерно использование разговорных лексических и синтаксических средств.

*«Чисто, даже **какашек** собачьих нигде не видно. И вдруг смотрю, какие то **дятлы** на центральной аллее **расколотили** штук десять бетонных урн и уронили ещё десяток! Ну не **дебилы** ли?! Ну, решили вы показать свою молодецкую удаль - запишитесь к урологу, да покажите! Надеюсь, что **расколотили** вы эти урны своими **дебильными бошками!** Поругался, конечно, про себя. Добежал **пятнашку**, поставил все опрокинутые урны на место, а они тяжёлые, антивандальные, **блин**».* (Запись «Бегал сегодня в парке» от 13 марта 2016 года)

В данном отрывке необходимо отметить большое количество разговорных, разговорно-сниженных и бранных единиц (*какашки, дятлы, дебилы, расколотили, дебилы, бошки, пятнашка*). С помощью данных лексем блогер негативно оценивает поведение тех, кто совершил акт вандализма – уронил урны. В тексте также присутствует эвфемизм *блин*, используемый в качестве вводного слова [Мокиенко, Никитина 2008: 34], с целью демонстрации досады блогера.

*«**Наши** вчера работали с **милицейскими**. Задержали двух молодых **свистков-кайфожоров**. Доставили к райотделу. Один попытался **сожрать** наркотики, которые были при нем. Еле достали. На крыльцо вышел дежурный. Посмотрел и кричит молодому: "**Ну-ка**, быстро выбрось!" Тот, с **перепугу**, и выбросил в снег»* (Запись «Так бы сразу и сказал» от 23 марта 2012 года).

В данном фрагменте фиксируются разговорные единицы: *ну-ка* — разговорное междометие, употребляющееся при выражении побуждения, приглашения совершить что-л. [Ефремова: электр. ресурс], *с перепугу* — *перепуг* (разг.) в значении ‘сильный испуг’ [СОШ 2006: 509], *сожрать* —

(разг.-сниж.) в значении ‘съесть много’ [Ефремова: электрон. ресурс]. Фиксируется жаргонный элемент (*свисток* в значении ‘врун’ [Мокиенко 2011: 529], окказиональное новообразование *кайфожоры*, образованное способом сложения от жаргонных слов *кайф* и *жрать*). Интересно субстантивированное употребление прилагательных и местоимений-прилагательных как следствие живого и продуктивного в современной разговорной речи процесса субстантивации [Столярова 2003: 21]: *Наши вчера работали с милицейскими.*

Очевидна жаргонизация речи блогера goizman в период деятельности в организации «Город без наркотиков»: автором активно используются элементы молодежного, криминального, наркоманского жаргона, поскольку контактное общение именно с этими социальными группами в этот период он описывает наиболее подробно. Для речевой манеры goizman характерны также просторечные, порой вульгарные и грубые выражения, которые используются блогером сознательно, с определенной коммуникативной целью даже в заголовках записи, например, 22 марта 2012 года: «... *стошнить-то уже ни за что не стошнит, а вот сблевать — сблюю*»: *сблевать* (простореч. вульг.) в значении ‘извергнуть рвоту’ [Ушаков: электрон. ресурс]. При этом данное выражение является прецедентным и отсылает нас к произведению В. В. Ерофеева «Москва-Петушки», что демонстрирует определенную литературную эрудицию изучаемой языковой личности.

Подобные примеры типичны для блогера goizman, например, запись от 27 ноября 2013 года озаглавлена «Гиена» (в значении ‘о жадном, коварном человеке’ (бран.) [БТС 2014: электр. ресурс]), запись от 1 февраля 2009 года имеет название «Дебилы» (в значении ‘о тупом, несообразительном человеке’ (бран.) [БТС 2014: электр. ресурс]).

«Сегодня в 33 школе произошло ЧП. Один малолетний подонок - Владик притащил в школу курительные смеси. И стал детей угощать. Трое

укурились так, что одного пятнадцатилетнего забрала "Скорая", с трудом откачали и передали на Сибирский тракт.

*Пару месяцев назад этот же **Владик** взял у папы 500 рублей, купил водки, "Фанты" и пива, и угостил детей так, что они **ублевали** всю школу. Папа у него очарованный, а в мобильном телефоне у Владика значится под названием "**Батёк**", хотя зовут его на самом деле Александр Иванович.*

Я считаю, что основная проблема в папе.

*Сам папа за сына бороться не хочет, и ждет пока это сделают другие. Ответственности - ноль. Между тем, **сын** - **конченный мерзавец**, и способен погубить многих сверстников вокруг себя» (Запись «**Я тебя породил**» от 11 марта 2012 года).*

В данном примере обращает на себя внимание то, что при употреблении разговорных, просторечных, вульгарных выражений внутри текста в заглавии текста используется редуцированное прецедентное высказывание [Караулов 1987: 212], общеизвестное, хрестоматийное, отсылающее к классическому произведению Н. В. Гоголя «Тарас Бульба». Подобный прием используется неоднократно (также встречаются посты с прецедентными названиями «Миллион алых роз», «Шапка загорелась», «Орудие пролетариата», «Гора родила мышь», «Наши пострел» и др., сам блог имеет название «Сила в правде», которое отсылает к культовому кинофильму «Брат-2»). Можно сделать вывод, что сниженная лексика используется с оценочной функцией, а не по причине низкой образованности автора.

В блоге также можно встретить размышления Е. Ройзмана о необходимости, важности правильно и красиво говорить:

«Общение в соцсетях и переписка смсками снижает грамотность.

Считаю, что умение ясно излагать свои мысли и грамотно писать, обязательно для каждого русского образованного человека.

Буду стараться писать без ошибок. Если что - указывайте.

Думаю, что это важно» (Запись «Начну с себя» от 22 декабря 2013 года).

В данной записи блогер указывает причины снижения грамотности в обществе и дает своим читателям разрешение указывать на его ошибки. С точки зрения русского этикета делать замечания об ошибках в речи невежливо [Стернин 1996: 67], это может привести к конфликту. Блогер, разрешая указывать на его ошибки, снимает возможную напряженность и отмечает важность грамотности для себя и для любого образованного человека.

Размышляя на страницах блога о культурном состоянии современного общества, Е. Ройзман ставит перед собой и своей аудиторией вопрос о допустимости использования обценной лексики:

«Мат в устной речи всегда режет слух. И редко бывает к месту. Не беру в расчет определенные ситуации. В текстах он большей частью выглядит нелепо. Последний раз сталкивался, что мат в тексте выглядит органично, - это в рассказе Дунского и Фрида «Лучший из них». Не думаю, что мат обогащает язык. Скорее упрощает и дает возможность не думать, не выстраивать, не искать слова – они сами быстро находятся» (Запись «О мате» от 1 мая 2008 года).

В вопросе допустимости обценной лексики блогер, таким образом, занимает позицию защитника чистоты речи, а также рассуждает о деградации языкового сознания при использовании данного пласта языка. Однако необходимо отметить, что Е. Ройзман сам использует обценизмы и признается в этом читателям: *«Я при детях, и при своих, и при чужих, тоже стараюсь максимально сдерживаться. Хочу попробовать научиться обходиться без мата и в устной и в письменной речи»*. В записях от 3 мая 2008 года и «Настыдили» от 22 ноября 2010 года блогер дает обещание обходиться без мата, но в дневнике и в настоящее время встречаются обценные единицы, однако используются подобные лексемы очень редко. Примером может послужить фрагмент записи «Все будет хорошо» от 29

апреля 2016 года: *«В это время у входа в мэрию нарисовались **мудаковатые НОД-овцы** в количестве трех рыл»*. Прилагательное образовано по продуктивной модели с помощью суффикса -оват- от существительного *мудак*, которое относится к обценным единицам и означает ничтожного, презируемого человека [Мокиенко, Никитина 2008: 144].

Для речевой манеры данного блогера характерна ирония, которая возникает на основе негативной установки говорящего, но «реализуется на основе смехового начала» [Матвеева 2010: 136]:

*«С его подачи **Андреев начал активно симулировать сумасшествие, и не гнушается ничем - рычит, лает и даже кушает бутерброды с **какашками****. Наверное **Погосян** посоветовал. Уже бутербродов десять съел. **Вся больничка от него шарахается**. А врачи все равно не верят.*

*Ну все - признали **Андреева** вменяемым.*

*И съеденные бутерброды ему не помогли. **Может, тонко намазывал?**»* (Запись «Мало каши ел» от 2 апреля 2012 года)

Ирония может относиться даже к первым лицам государства, что позволяет закрепить уже существующий образ **Евгения Ройзмана** как человека честного и прямолинейного, не приемлющего чиновничества:

«Считаю, что кандидат в президенты Российской Федерации, отказавшийся от публичных дебатов, не имеет морального права стать Президентом России.

Испугавшийся публичных дебатов - или не имеет четкого плана действия и не может его изложить.

Или что-то про себя знает и боится, что это будет на дебатах озвучено.

Или что-то нехорошее задумал.

*Не вижу иных причин. **Разве что мания величия**». (Запись «... Он же памятник!» от 15 января 2012 года)*

Цитата из фильма «Джентльмены удачи» *«Кто ж его посадит? Он же памятник!»* — комическая: смех возникает из-за столкновения, реализации в

контексте нескольких значений глагола посадить: ‘помочь сесть’ и ‘подвергнуть заключению’. Реинтерпретируя прецедентное высказывание, блогер усекает первую часть, в которое содержится вызывающий смех элемент. В оставшейся части фразы логическое ударение падает на слово *памятник*, которое иронически переосмысляется: речь идет уже не о реальном монументе, а о якобы непогрешимом субъекте, значимость которого для общества очевидна. «Ирония раскрывает, усиливает и разоблачает «мнимость» и ничтожность, пустоту и бессодержательность предмета, внешне ещё сохраняющего свою величину и значительность и требующего к себе прежнего отношения» [Попкова 2007: 21-22].

«Если бы меня пригласил Путин и сказал бы мне: "Женя, я наблюдал за вами. Вы молодцы. Вы проделали огромную работу. И у вас многое получилось. Скажи мне, чем я могу вам помочь? Что могу для вас сделать?" Я был бы очень тронут. Сто мыслей пронеслось бы у меня в голове. Я бы проглотил подкативший комок и вдруг неожиданно бы сказал: "Да ладно, чего уж там. Не надо ничего. Сами как-нибудь справимся..."» (Запись «Репетирую» от 24 марта 2012 года)

В данном случае ирония создается за счет несоответствия реакции в описываемом посте и реальной ситуации: roizman неоднократно замечает в блоге, что запрет продажи кодеиносодержащих препаратов первыми лицами государства значительно облегчил бы борьбу с наркопритонами. Кроме того, отмечается нереальность воплощения описываемого в действительности. Гиперболу «Я бы проглотил подкативший комок...» можно рассматривать как иронический маркер. Заголовок записи «Репетирую» иронически представляет невозможность моделируемого блогером разговора.

Блогер roizman активно использует этот стилистический приём, рассуждая о современной власти, к которой автор дневника относится критически, несмотря на то, что в данный момент времени сам является её представителем:

«...Со слесаря в депо дорос до помощника машиниста и работу свою любил. И вот работали в три смены, устали, недосып хронический, и встали у депо в тупике и закемарили в креслах. Хорошие сны снились... Подкрался ревизор и сфотографировал. И уволили по 81-й статье за однократное грубое нарушение обоих. <...>

*Вдруг вспомнил, как **Председатель Правительства РФ** заснул один раз, потом еще и ничего, не уволили»* (Запись «Прием» от 6 марта 2015 года).

История, рассказанная человеком на приеме, становится поводом для горькой иронии. Через сравнение ситуации сна во время работы простого человека и Председателя Правительства РФ блогер демонстрирует социальное неравенство в стране: оба заснули во время работы, в обоих случаях это было замечено, однако представитель власти не был уволен.

*«У нас к ЧМ 2018 реконструируют Центральный стадион. А он - памятник, и мы следим, чтобы не нарушили. Надо раздвигать стены. Дело это затратное. Архитекторы предлагают два варианта. Или **распиливать тросом с алмазной крошкой на тысячу блоков, переносить и собирать. Или распиливать на три части, подводить домкраты и, подложив рельсы, перекатить на нужное расстояние.***

*В результате стало ясно, что выбор не богат: **строить будем путем распила или путем частичного распила с откатом...**»* (Запись «О, великий могучий русский язык!...» от 7 марта 2014 года).

Ирония создается за счет омонимического сближения лексем — имен существительных, обозначающих действие по мотивирующему глаголу *распилить* и *откатить*, и обозначений коррупционных действий: *распил* в значении ‘коррупционная финансовая операция, мошенническая финансовая схема воровства бюджетных средств или имущества’, *откат* в значении ‘вид взятки, нелегальный возврат представителю заказчика части стоимости заказа в качестве вознаграждения за то, что заказ достался этой фирме, а не конкурентам’ [Словарь молодежного сленга: электр. ресурс].

Обилие сниженной лексики связано с негативной оценкой людей, мешающих общественной деятельности автора. После назначения на пост мэра и ухода из организации «Город без наркотиков» противостояние с политическими противниками отходит на второй план, и это становится причиной уменьшения количества сниженной лексики в текстах.

Однако синтаксические особенности речевой манеры Розмана остаются неизменными. Значительная часть предложений в его текстах — простые с глагольными сказуемыми. Типичны неполные конструкции, в которых пропущено подлежащее.

Неполные предложения характерны для разговорной диалогической речи [Матвеева 2003: 171], однако используются и в монологической речи, в частности, в рассматриваемом тексте они реализуют установку на более динамичное повествование.

Стоит отметить, что присутствие данных синтаксических конструкций в записях, возможно, связано ещё и с тем, что, по признанию блогера, тексты он надиктовывает помощникам. Подобная синтаксическая специфика речи блогера roizman отмечается постоянно:

*«Стала колотья винтом. Притон у них был. **Навидалась** всего. Между делом **родила** сына. Не знаю, где сама сейчас. Сын живет с прабабушкой и прадедушкой.*

***Встретил** прадедушку возле университета. Про дочку и внуку старается не говорить. Больно ему. А про мальчика **рассказывает**, аж глаза светятся!»* (Запись от 31 марта 2009 года)

*«**Поймали** сегодня Крокодила. С субботы его не было. Сразу же **начал колотья**. За тем и бежал. Вот что с ним произошло за несколько дней... Сейчас пишет где был, что делал, кого видел. Но пока ничего не соображает. Нужно несколько месяцев **чтобы в себя пришел**. Снова **начали**». (Запись «Снова шанс» от 15 марта 2012 года)*

*«Лариса Анатольевна заходила. **Делает** своими руками прикольные вязаные игрушки. **Продает** от 200 рублей. С сыном **работает**. Сын —*

инвалид. Нашумевшая история. Много лет отстаивал права своего ГСК. Ему разбили голову арматурами. И вот сидит дома, инвалид, маме помогает». (Запись «Так живем» от 26 февраля 2016 года)

Также для данного блогера характерен прием парцелляции — интонационно-смыслового разделения высказывания на самостоятельные части [Матвеева 2010: 297]. В авторской речи подобная речь приобретает «свойство экспрессивности за счет воспроизведения особого — разговорного — стиля речи и мышления» [Матвеева 2010: 297]:

«Людоеды. И идиоты. Точка невозврата». (Запись от 18 июля 2013 года)

«Останавливают ДПСники. Даю документы. Двое. Офицеры. Напряженные. "Багажник откройте!". Ну, открыл. Сумка. Форма спортивная. Кроссовки. "Двери откройте!". Полезли с фонариками. Увидели упаковку с книжками» (Запись от 1 августа 2013 года «Что ищут?»).

«Про Советский Союз. 1990 г. Женщина, 35 лет. Работала на РТИ на вредном производстве. Шестеро детей. Старшему 13, дочке год и месяц. Отец -фронтовик слез. Денег не хватало. Стала спекулировать. Там купила, здесь продала. Не опытная. Быстро взяли. Нажива составила 177 рублей. Судили в Чкаловском. Дали по ст 154 ч.3 ук СССР 6(шесть!) лет!!! Отправили в Тагил в колонию номер 6. Дома осталось 6 маленьких детей. Трех младших забрали в детдом в Алапаевске, троих отец фронтовик не отдал. Отсидела 1,5. Статью 154(спекуляция) в 1991 из кодекса убрали. И ее освободили. Вышла бросилась домой , отец умер. Детей сумела собрать только в 1996. Боролась за них. Сейчас все живы. Двенадцать внуков. Ее все любят. Работает кондуктором. Всем помогает» (Запись «Судьба человека» от 28 августа 2015 года).

О. И. Асташова в своем диссертационном исследовании, посвященном описанию речевого портрета политика, высказывает предположение о том, что «языковая личность политика обнаруживает себя в лингвопортретных

вариантах» [Асташова 2013: 5]. Представляя речевой портрет как динамический феномен, она доказывает, что изменение социального статуса общественного деятеля влечет за собой модификацию практически всех аспектов речевого поведения: чиновник не может говорить и мыслить, как оппозиционер. Однако пример блога Е. Ройзмана подтверждает эту гипотезу частично: после вхождения во власть речевая манера этого общественного деятеля претерпевает некоторые изменения на уровне отбора лексических средств, однако синтаксические особенности речи практически не меняются.

Образ социально ответственного человека поддерживается оформлением блога. Во время работы в организации «Город без наркотиков» большинство записей в блоге roizman посвящено деятельности фонда, поэтому и в профиле, и в заглавной записи были указаны все контактные данные организации (в том числе её реквизиты), ссылки, направляющие читателя на другие интернет-ресурсы (например, блоги работников фонда и сочувствующих, документальные фильмы и справочную информацию о работе фонда). После ухода Ройзмана из организации заглавная запись была удалена из блога, исчезли контакты фонда, но появилась ссылка на электронную приемную Екатеринбургской городской думы, где и работает блогер. Таким образом, очевидно, что блога Евгения Ройзмана реализует контактоустанавливающую функцию, формулирует установку на прямое взаимодействие с членами общества, нуждающимися в его помощи.

Стоит отметить, что блог связан ссылками на другие страницы, принадлежащие блогеру (ссылки на facebook, Вконтакте), не только в профиле, но и в каждой записи, где каждый читатель может через социальные сети продемонстрировать свое отношение к опубликованному (опции «Мне нравится», «Я рекомендую»). Платформа Livejournal дает своим пользователям возможность копирования понравившейся записи с помощью специальной кнопки «Перепостить это у себя в журнале!», которая помещается под важными постами. Можно говорить о том, что сложная

система гиперссылок направлена на продвижение блога автора и его деятельности в Интернете.

Система тэгов присутствует, но используются тэги нерегулярно и иногда дублируют друг друга: *Фонд, фонд, Фонд* «Город без наркотиков».

В блоге публикуется много фотографий, посвященных в основном общественной деятельности roizman: приемам в городской администрации, реставрации икон, курируемыми музеям, встречам с известными людьми. Фотографии служат визуальным подтверждением деятельности блогера, но сопровождают посты не всегда. Формат видеороликов достаточно редко встречается в данном блоге. В период работы в фонде «Город без наркотиков» ролики в основном освещали деятельность организации (например, в записи «Женщины» от 30 декабря 2011 года опубликован фильм о девушках из женского реабилитационного центра). В настоящее время в видеозаписях Е. Ройзман выступает в качестве мэра, обязанного выступать с этикетными обращениями к народу: например, запись «Сказал, как сумел» от 8 мая 2016 года содержит видеоролик, в котором блогер поздравляет жителей Екатеринбурга с Днем Победы.

Оформление блога не претерпевает значительных изменений с течением времени. Аудиовизуальная информация в данном сетевом дневнике используется для демонстрации открытости и честности автора в его общественной деятельности. Блогер позиционируется как профессионал, который всё свое время посвящает работе. При этом смена общественного статуса у Е.Ройзмана, его вхождение во власть значительно не отразилось на индивидуальной речевой манере и оформлении блога.

Выводы по 4 главе

Анализ речевой манеры блогера roizman позволяет сделать вывод о том, что используемые автором блога языковые и речевые средства призваны

поддерживать в глазах читающей аудитории образ социально ответственного, близкого для каждого, прямолинейного человека, занятого важным делом и предпочитающего не бросать слова на ветер.

Стилевыми доминантами блога становятся средства экспрессивного синтаксиса и сниженная лексика, призванные продемонстрировать равнодушие блогера к проблемам, окружающим его, однако речевое поведение изучаемой языковой личности в определенной мере корректируется после победы Евгения Ройзмана на выборах мэра Екатеринбурга. Визуальная составляющая блога не претерпевает серьезных изменений: блогер продолжает привлекать аудиовизуальную информацию, служащую подтверждением его деятельности, однако делает это нерегулярно.

Заключение

Данное исследование посвящено изучению актуальной проблемы описания речевого портрета блогера – общественного деятеля.

В ходе исследования нами были определены ключевые термины и выбраны направления исследования. Языковая личность вслед за Ю.Н. Карауловым определяется как «человек в его способности воспринимать и порождать речь (дискурс), владеющий системой языка и использующий ее для достижения в процессе коммуникации тех или иных неречевых и речевых целей» [Караулов 1987: 56]. При этом речевой портрет понимается как один из жанров описания языковой личности. Речевой портрет блогера – общественного деятеля описывается и анализируется в стилистическом, лингвокогнитивном и лингвопрагматическом аспектах. В качестве материала используются записи блога Евгения Ройзмана, известного общественного деятеля, мэра города Екатеринбурга (пишет под ником roizman).

Лингвокогнитивный анализ позволяет выделить важные для блогера аксиологически осмысленные ментальные оппозиции (*правда – ложь, свои – чужие, помощь обществу – антисоциальная деятельность*), проследить, как изменяются эти оппозиции во времени. До назначения на пост мэра данные оппозиции ярко проявлялись в записях блога, определяли четкое деление мира блогером на добро и зло. Необходимо отметить, что больше вербальных репрезентаций получали члены оппозиций, оцениваемые языковой личностью негативно. С 2014 года противопоставления постепенно теряют актуальность, так как акцент смещается на положительные члены заявленных оппозиций, а негативные оказываются на периферии, что дает возможность говорить об изменениях в концептосфере языковой личности, репрезентированной в текстах блога.

Лингвопрагматический анализ отражает динамику речевого поведения Евгения Ройзмана в блоге: после назначения на пост мэра и затухания конфликта с областной властью стратегии конфликтного речевого поведения,

активно используемые ранее, вытесняются стратегиями кооперативными. После назначения на пост мэра Roizman акцентирует внимание на работе, проделанной им в этой должности. Для данного блогера принципиально важно отметить собственную открытость и честность, определить себя как защитника справедливости, борца с коррупцией и патриота.

Характеристика индивидуальной речевой манеры блогера была связана с выявлением ключевых примет стиля автора. Отмечены константные стилистические особенности (частотность построения текстов-повествований, ироническая тональность, использование экспрессивных синтаксических структур — неполных и нераспространенных простых предложений, «аскетизм» визуального стиля блога). Подвижными оказались предпочтения автора в употреблении сниженной лексики: от активного их использования Е. Ройзман приходит к точечному их внедрению в текст.

Таким образом, комплексное описание языковой личности блогера Евгения Ройзмана в трех аспектах позволило подтвердить, что единицы всех уровней интерпретаций актуализируют представление о блогере как неравнодушном общественном деятеле, работающем на благо жителей столицы Урала.

В одной работе невозможно осветить все направления, связанные с исследованием и описанием речевого портрета блогера в сетевом дневнике. Перспективой исследования может стать описание коммуникативного взаимодействия блогера с массовой аудиторией с помощью системы комментариев.

Список использованной литературы

Научные источники

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация: монографическое издание / ред. К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2007. — 320 с.
2. Аскольдов-Алексеев С. А. Концепт и слово / С. А. Аскольдов-Алексеев // Русская речь. Новая серия. — 1928. — Вып. 2. — С. 28-44.
3. Асташова О. И. Речевой портрет политика как динамический феномен : дис. ... канд. филол. наук / О. И. Асташова ; Урал. федер. ун-т им. первого Президента России Б. Н. Ельцина. — Екатеринбург : [б. и.], 2013. — 245 с.
4. Белинская Е. П., Жичкина А. Е. Современные исследования виртуальной коммуникации: проблемы, гипотезы, результаты / Е. П. Белинская, А. Е. Жичкина // Образование и информационная культура. Социологические аспекты. Труды по социологии образования. — 2000. — С. 395-428.
5. Бердяев Н. Судьба России [Электронный ресурс] / Н. Бердяев. — 1990. — Режим доступа: http://aldebaran.ru/author/berdyayev_nikolayi/kniga_sudba_rossii/ (дата обращения: 19.04.2016)
6. Бирюкова Е. О. Индивидуальный речевой портрет говорящего в телевизионном дискурсе / Е. О. Бирюкова // Вестник Череповецкого государственного университета. — 2011. — Т. 11, 31-3. — С. 29-33.
7. Бирюкова Е. О. Языковая личность в контексте языковой игры (на материале российских ток-шоу) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Бирюкова ; Вологод. гос. пед. ун-т. — Вологда, 2012. — 23 с.
8. Богин Г. И. Модель языковой личности в ее отношении к разновидностям текстов: автореф. дисс. ... д-ра филол. наук / Г. И. Богин ; Ленинградск. гос. ун-т. — Ленинград : [б. и.], 1984. — 31 с.

9. Борисова И. Н. Русский разговорный диалог: структура и динамика / И. Н. Борисова. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2001. — 408 с.
10. Боярских Е. Этикет Живого Журнала / Е. Боярских // Неклассические письменные практики современности. — Великий Новгород, 2012. — С. 94-99.
11. Бриллиантов А. В., Курганов С. И. Комментарий к уголовному кодексу Российской Федерации (постатейный) / под ред. А. В. Бриллиантова. — Москва : Проспект, 2011. — 416 с.
12. Верещагин Е. М. Речевые тактики «призыва к откровенности»: еще одна попытка проникнуть в идиоматику речевого поведения / Верещагин Е. М., Ратмайр Р., Ройтер Р. // Вопросы языкознания. — 1992. — №6. — С. 82–93.
13. Виноградов В. В. О языке художественной прозы / В. В. Виноградов — Москва : Наука, 1980. — 360 с.
14. Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика / В. В. Виноградов. — М. : Изд.-во Академии Наук СССР, 1963. — 253 с.
15. Виноградова Т. Ю. Специфика общения в Интернете. / Т. Ю. Виноградова // Русская и сопоставительная филология: Лингвокультурологический аспект. — Казань, 2004. — С. 63-67.
16. Винокур Т. Г. Речевой портрет современного человека / Т. Г. Винокур // Человек в системе наук. — Москва : Наука, 1989. — С. 361–370.
17. Волохонский В. Л. Психологические механизмы и основания классификации блогов [Электронный ресурс] / В. Л. Волохонский. — 2007. — Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/volokhonsky.pdf> (дата обращения: 10.04.2016)
18. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии / С. Г. Воркачев // Антология концептов. — Т.1. — 2005. — С. 10-13.
19. Галичкина Е. Н. Специфика компьютерного дискурса на английском и русском языках (на материале жанра компьютерных конференций):

- дис. ... к-та филол. наук / Е. Н. Галичкина; Астра. пед. ун-т. — Астрахань, 2001. — 212 с.
20. Гермашева Т. М. Виртуальная языковая личность в пространстве блог-дискурса / Т. М. Гермашева // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2014. – № 2 (140). – С. 36-40.
 21. Горный Е. Онтология виртуальной личности [Электронный ресурс] / Е. Горный. — 2004. — Режим доступа: <http://www.zhurnal.ru/staff/gorny/texts/ovr.html> (дата обращения: 15.03.2016).
 22. Грайс Г. П. Логика и речевое общение/ Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. Выпуск 16. Лингвистическая прагматика. – Москва, 1985. – С. 217–237.
 23. Данилов С. Ю. Пиар-блог: речежанровая структура текста. Материалы исследования. Сагра 2011 /С. Ю. Данилов. — СПб. : САГА, 2011. — 52 с.
 24. Данилов С. Ю. Сигналы многоречия в свободном пространстве Интернета / С. Ю. Данилов // Русский язык в многоречном социокультурном пространстве: [монография]. — Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2014. — С. 114-134.
 25. Даулетова В. А. Вербальные средства создания автоимиджа: автореф. дис... канд. филол. Наук / В. А. Даулетова ; Кубан. гос. техн. ун-т. – Волгоград, 2004. – 22 с.
 26. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера / М. Я. Дымарский // Русская языковая ситуация в синхронии и диахронии. – Санкт-Петербург : РГПУ, 2005. – С. 136-144.
 27. Дымарский М. Я. Речевая культура и речевая манера (к проблеме оценки нормативности речевой практики) / М. Я. Дымарский // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей. — М., 2006. — С. 173-186.

28. Еремина С. А., Потысьева А. Н. Речевой портрет депутата Евгения Ройзмана / С. А. Еремина, А. Н. Потысьева // Политическая лингвистика. – 2005. – № 15. – С. 66–71.
29. Ерофеева Т. И. «Речевой портрет» говорящего / Т. И. Ерофеева // Языковой облик уральского города. – Свердловск: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1990. – С. 90–103.
30. Жичкина А. Е. Социально-психологические аспекты общения в Интернете [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина. — Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/refinf> (дата обращения: 18.03.2016).
31. Жичкина А. Е., Белинская Е. П. Стратегия самопрезентации и Интернет и их связь с реальной идентичностью [Электронный ресурс] / А. Е. Жичкина, Е. П. Белинская. — Режим доступа: <http://flogiston.ru/articles/netpsy/strategy> (дата обращения: 18.03.2016).
32. Залевская А. А. Введение в психолингвистику / А. А. Залевская. – Москва : Рос. гос. гуманитар. ун-т, 1999. – 382 с.
33. Земская Е. А. Речевой портрет ребенка (К вопросу о системности некодифицированных сфер устной речи) / Е. А. Земская // Язык: система и подсистемы : К 70-летию М. В. Панова. – Москва : Наука, 1990. – С. 241–260.
34. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография / О. С. Иссерс. — Омск : Омск. Гос. ун-т, 1999. — 285 с.
35. Иссерс О. С. Коммуникативный успех как прогнозируемая категория/ О. С. Иссерс // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С.287–298.
36. Казнова Н. Н. Сетевые дневники как новый вид реализации личности / Н. Н. Казнова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 150-156.
37. Казнова Н. Н. Трансформация языковой личности в интернет-коммуникации (на примере французской блогосферы): автореф. дис.

- ... канд. филол. наук / Н. Н. Казнова ; Перм. Гос. ун-т. — Пермь, 2011. — 22 с.
38. Калмыков А. А., Коханова Л. А. Интернет-журналистика [Электронный ресурс] / А. А. Калмыков, Л. А. Коханова. — 2005. — Режим доступа: <http://www.evartist.narod.ru/text16/022.htm> (дата обращения: 28.04.2016)
 39. Карасик В. И. Речевое поведение и типы языковых личностей / В. И. Карасик // Массовая культура на рубеже XX–XXI веков: Человек и его дискурс : сб. науч. тр. / под ред. Ю. А. Сорокина, М. Р. Желтухиной. – Москва : «Азбуковник», 2003. – С.24–45.
 40. Карасик В. И. Языковая матрица культуры / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2012. – 448 с.
 41. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. — Волгоград, 2002. — 477 с.
 42. Карасик В. И. Языковые ключи / В. И. Карасик. – Волгоград : Парадигма, 2007. – 520 с.
 43. Карасик В. И., Слышкин Г. Г. Базовые характеристики лингвокультурных концептов / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Антология концептов. – Т.1. – 2005. – С. 13-15.
 44. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. — Москва : Наука, 1987. — 263 с.
 45. Китайгородская М. В. Русский речевой портрет : Фонохрестоматия / М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова – Москва : РАН, Ин-т рус. яз. – 1995. – 114 с.
 46. Кишина Е. В., Пыхтина Т. Л. Речевой портрет регионального журналиста (по материалам кузбасских СМИ) / Е. В. Кишина, Т. Л. Пыхтина // Вестник Кемеровского Государственного Университета. – 2010. – №2. – С. 99-102.
 47. Клобукова Л. П. Лингвометодические основы обучения иностранных студентов-нефилологов гуманитарных факультетов речевому

- общению на профессиональные темы : автореф. дис. ... докт. пед. наук / Л. П. Клобукова ; МГУ им. М. В. Ломоносова. – Москва : [б. и.], 1995. – 45 с.
48. Ключев Е. В. Речевая коммуникация: успешность речевого взаимодействия / Е. В. Ключев. – Москва : Рипол-классик, 2002. – 317 с.
49. Кожанова В. Ю. Жанровая специфика блогов / В. Ю. Кожанова // Стилистика сегодня и завтра. Материалы конференции. Часть II. – Москва, 2014. – С. 160-164.
50. Кожина М. Н. Стилистика русского языка : учебник / М. Н. Кожина, Л. Р. Дускаева, В. А. Салимовский. — Москва : Флинта : Наука, 2008. — 462, [1] с.
51. Костина Е. А., Егорычев А. М., Кашина Е. Н. Русские: общечеловеческие ценности. Самоанализ / Е. А. Костина, А. М. Егорычев, Е. Н. Кашина // Вестник Новосибирского государственного педагогического университета. – 2015. – № 1 (23). – С. 95-105.
52. Кочеткова М. О., Тубалова И. В. Динамика развития блога как жанра дискурса блогосферы: социолингвистический аспект / М. О. Кочеткова, И. В. Тубалова // Вестник Томского государственного университета. Филология. – 2014. – № 1 (27). – С. 39-52.
53. Кочеткова Т. В. Языковая личность носителя элитарной речевой культуры : дис. ... д-ра филол. наук / Т. В. Кочеткова ; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград : [б. и.], 1999. – 54 с.
54. Красных В. В. Виртуальная реальность или реальная виртуальность? : (Человек. Сознание. Коммуникация) / В. В. Красных. – Москва : Диалог-МГУ, 1998. – 352 с.
55. Красных В. В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В. В. Красных. — Москва : Гнозис, 2003. — 375 с.

56. Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета / Л. П. Крысин // Русский язык в научном освещении. – 2001. – №1. – С. 90–106.
57. Крюкова Г. А. Концепт. Определение объема содержания понятия / Г. А. Крюкова // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. – 2008. – С. 128-135.
58. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Панкрац, Л. Лузина. – Москва, 1996. – 248 с.
59. Кудряшов И. А., Калашникова А. А. Блог как сфера представления стереотипизированного образа носителя культурно-языковых ценностей / И. А. Кудряшов, А. А. Калашникова // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2015. – № 3. – С. 26-33.
60. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / под ред. Л. Ю. Иванова, А. П. Сковородникова, Е. Н. Ширяева и др. – Москва : Флинта, 2011. – 840 с.
61. Курчакова Н. Формы самопрезентации в блоге [Электронный ресурс] / Н. Курчакова. — 2007. — Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/kurchakova.pdf> (дата обращения: 20.05.2016).
62. Ланских А. В. Речевое поведение участников реалити-шоу: коммуникативные стратегии и тактики : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Ланских; Урал. ун-т. — Екатеринбург : [б. и.], 2008. — 183 с.
63. Лейко И. М., Маслова В. А. Параметры описания речевого портрета языковой личности / И. М. Лейко, В. А. Маслова // Язык и социальная динамика. – 2012. – № 12-1. – С. 414-420.
64. Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность / А. А. Леонтьев. – Москва : Просвещение, 1969. – 214 с.

65. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – Москва, 1993. – № 1. – С. 3-9.
66. Лутовинова О. В. Докоммуникативные лингвистически релевантные средства самопрезентации языковой личности в виртуальном дискурсе / О. В. Лутовинова // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 236-240.
67. Макаров М. Л. Анализ дискурса в малой группе/ М. Л. Макаров. – Тверь : ТГК, 1995. – 83 с.
68. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров. – Москва : Гнозис, 2003. – 280 с.
69. Никифорова М. В. Средства аргументации в жанре предвыборных теледебатов (на материале теледебатов с участием Е. Ройзмана) / М. В. Никифорова // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 120-125.
70. Николаева Т. М. «Социолингвистический портрет» и методы его описания / Т. М. Николаева // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики : докл. Всесоюз. науч. конф. – Москва, 1991. – Ч.2. – С. 73–75.
71. Ноздрин Н. И. Самореализация личности посредством ведения блога / Н. И. Ноздрин // Международный научно-исследовательский журнал. – 2014. – № 2-2 (21). – С. 104-105.
72. Олешков М. Ю. Системное моделирование институционального дискурса (на материале устных диалогических текстов): автореф. дисс. ...д-ра филол. наук / М. Ю. Олешков; Нижнетагил. гос. соц.-пед. академия. – Нижний Тагил, 2007. – 42 с.
73. Павлычева Е. Д. Характеристика особенностей понятия «речевой портрет» / Е. Д. Павлычева // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – 2015. – № 6. – С. 110-115.
74. Панов М. В. История русского литературного произношения VIII – XIX вв. / М. В. Панов. – Москва : Наука, 1990. – 453 с.

75. Парсамова В. Я. Языковая личность ученого в эпистолярных текстах: На материале писем Ю. М. Лотмана : дисс. ... канд. филол. наук / В. Я. Парсамова ; Сарат. гос. ун-т. – Саратов, 2004. – 223 с.
76. Паршина О. Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук / О. Н. Паршина ; Сар. ун-т. — Саратов, 2005. — 325 с.
77. Пикулева Ю. Б. Прецедентный культурный знак в современной телевизионной рекламе: лингвокультурологический анализ: дис. ... канд. филол. наук / Ю. Б. Пикулева ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2003. — 231 с.
78. Пикулёва О. А. Гендерные, возрастные и профессиональные особенности тактик самопрезентации : дис. ... канд. психол. наук / О. А. Пикулёва ; СПб. гос. ун-т. – Санкт-Петербург, 2004. – 20 с.
79. Пикулёва О. А. Самопрезентация личности: Мотивация и пространство «Я». Психологические проблемы самореализации личности. Вып. 8 / О. А. Пикулёва — Санкт-Петербург, 2004. — С. 127-145.
80. Пименова М. В. Языковая картина мира : учеб. пособие / М. В. Пименова. – Санкт-Петербург : СПбГУ, 2011. – 106 с.
81. Попкова Н. Н. Доминанты идиостиля современного поэта ирониста (на материале произведений Игоря Иртеньева): дис. ... к-та филол. наук / Н. Н. Попкова ; Урал. ун-т. — Екатеринбург, 2007. — 194 с.
82. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Москва : АСТ: Восток – Запад, 2007. – 314 с.
83. Попова З. Д., Стернин И. А. Основные черты семантико-когнитивного подхода к языку / З. Д. Попова, И. А. Стернин // Антология концептов. – Т.1. – 2005. – С. 7-10.
84. Почепцов Г. Г. Имиджелогия / Г. Г. Почепцов. — Москва : Рефл-бук, Киев : Ваклер, 2000. — 766с.

85. Прохоров Ю. Е. Действительность. Текст. Дискурс. РКИ / Ю. Е. Прохоров – Москва : Гос.ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина, 2003. – 266 с.
86. Прохоров Ю. Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль в обучении русскому языку иностранцев / Ю. Е. Прохоров. – Москва : Наука, 1996. – 224 с.
87. Романова Т. В. Коммуникативный имидж и речевой портрет современного политика / Т. В. Романова // Политическая лингвистика. – 2009. – №1 (27). – С. 109–117.
88. Рублик Т. Г. Языковая личность и её структура / Т. Г. Рублик // Вестник Башкирского университета. – 2007. – № 1. – С. 99-101.
89. Румянцева Е. Н. Регулятивные речевые действия как фактор успешности диалога и компонент коммуникативной стратегии партнеров по общению : автореф. .. дис. ... канд. филол. наук. / Е. Н. Румянцева ; Орл. гос. ун.-т. – Орел, 2004. – 17 с.
90. Рытникова Я. Т. Гармония и дисгармония в открытой семейной беседе / Я. Т. Рытникова // Русская разговорная речь как явление городской культуры. – Екатеринбург, 1996. – С.94–115.
91. Седов К. Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К. Ф. Седов. — Москва : Лабиринт, 2004. — 320 с.
92. Седов К. Ф. Портреты языковых личностей в аспекте их становления (принципы классификации и условия формирования) / К. Ф. Седов // Вопросы стилистики : межвуз. сб. науч. тр. – Вып. 28 : Антропоцентрические исследования. – Саратов : Изд-во Саратов. ун-та, 1999. – С. 3–29.
93. Седов К. Ф. Речевое поведение и типы языковой личности/ К. Ф. Седов // Культурно-речевая ситуация в современной России. – Екатеринбург, 2000. – С. 298–312.

94. Силантьев И. В. Дмитрий Горчев и советская тема в его блоге / И. В. Силантьев // *Ностальгия по советскому*. — Томск, 2011. — С. 449-460.
95. Сиротинина О. Б. Языковой облик г. Саратова / О. Б. Сиротинина // *Разновидности городской устной речи : сб. науч. тр.* — Москва : Наука, 1988. — С. 247–253.
96. *Современный медиатекст: учебное пособие* / отв. ред. Н. А. Кузьмина. — Омск : Полиграфический центр «Татьяна», 2011. — 414 с.
97. Соколов М. М. *Онлайновый дневник, теории виртуальной идентичности и режимы раскрытия персональной информации [Электронный ресурс]* / М. М. Соколов. — 2007. — Режим доступа: <http://volokhonsky.ru/internet/sokolov.pdf> (дата обращения: 18.03.2016).
98. Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф. *Креолизованные тексты и их коммуникативная функция* / Ю. А. Сорокин, Е. Ф. Тарасов // *Оптимизация речевого воздействия*. — Москва : Наука, 1990. — 240 с.
99. Степанов Ю. С. *Константы русской культуры* / Ю. С. Степанов. — Москва : Академический Проект, 2001. — 990 с.
100. Стернин И. А. *Введение в речевое воздействие* / И. А. Стернин. — Воронеж : ИПЦ МОУВЭПИ, 2001. — 252 с.
101. Стернин И. А. *О понятии эффективное общение* / И. А. Стернин // *Преподавание культуры общения в средней школе*. — Воронеж, 1995. — С.3–8.
102. Стернин И. А. *Русский речевой этикет* / И. А. Стернин. — Воронеж, 1996. — 125 с.
103. Столярова Э. А. *Части речи* / Э. А. Столярова // *Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Грамматика*. — Москва : Едиториал УРСС, 2003. — С. 4-47.
104. Тарасенко Т. П. *Языковая личность старшеклассника в аспекте ее речевых реализаций (на материале данных ассоциативного*

- эксперимента и социолекта школьников Краснодара) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. П. Тарасенко ; Кубан. ун.-т. – Краснодар, 2007. – 280 с.
105. Третьякова В. С. Речевой конфликт и гармонизация общения / В. С. Третьякова. – Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. – 287 с.
106. Усачева О. Ю. Дискурсный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации [Электронный ресурс] / О. Ю. Усачева. – Режим доступа: http://dibase.ru/article/22032013_112893_usacheva/4 (дата обращения: 12.06.2016).
107. Ушакова Т. Н. Психофизиологические механизмы внутренней речи / Т. Н. Ушакова // Психологический журнал. – Москва, 1980. – № 4. – С. 145–154.
108. Фесенко О. П. Языковая личность: к вопросу об интерпретации термина / О. П. Фесенко // Инновационное образование и экономика. – 2013. – № 12. – С. 73-77.
109. Формановская Н. И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход / Н. И. Формановская. — Москва : Рус. яз., 2002. — 216 с.
110. Формановская Н. И. Речевое взаимодействие: коммуникация и прагматика / Н. И. Формановская. – Москва : Издательство «Икар», 2007. – 480 с.
111. Черняк В. Д. Наброски к портрету маргинальной языковой личности / В. Д. Черняк // Русский текст : Российско-американский журнал по русской филологии. – Санкт-Петербург : Lawrence (KS, USA), 1994. – №2. – С.115–130.
112. Шалина И. В. Форма и содержание высказывания как объект рефлексии (на материале православных интернет-ресурсов) / И. В. Шалина // Социокультурное пространство России и зарубежья: общество, образование, язык. – 2012. – № 1. – С. 117-130.

113. Шарапова И. Л. Блог как инструмент рекламы и PR / И. Л. Шарапова // Коммуникативные исследования. – 2014. – № 2. – С. 166-172.
114. Ширяев Е. Н. Культура речи как особая теоретическая дисциплина / Е. Н. Ширяев // Культура русской речи и эффективность общения. – Москва, 1996. – С. 7–39.
115. Щеглова Е. Чуковский К. Дневники 1901-1929 гг. / Е. Щеглова // Нева. — 1992. — №9. — С. 260.
116. Ярошенко О. А. Штрихи к речевому портрету русского интеллигента / О. А. Ярошенко // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. Серия : Филология. – 2010. – №3 (11). – С. 68-77.

Лексикографические источники

1. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка : Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. — Режим доступа: <http://www.efremova.info/> (дата обращения: 15.04.2016).
2. Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка [Электронный ресурс] / С. А. Кузнецов. — 2014. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/info/bts> (дата обращения: 05.06.2016).
3. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. — Москва : Советская энциклопедия, 1990. — 688 с.
4. Литературный энциклопедический словарь / под ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. — Москва : Советская энциклопедия, 1987. — 752 с.
5. Матвеева Т. В. Полный словарь лингвистических терминов / Т. В. Матвеева. — Ростов-на-Дону : Феникс, 2010. — 562 с.
6. Мокиенко В. М. Большой словарь русского жаргона / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина – Санкт-Петербург : Норинт, 2001. – 720 с.

7. Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Русское сквернословие. Краткий, но выразительный словарь. – Москва : ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. – 384 с.
8. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. — Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. – 944 с.
9. Словарь молодежного сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://teenslang.su/> (дата обращения: 12.05.2016).
10. Словарь сленга [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slanger.ru/> (дата обращения: 20.05.2016).
11. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. — Москва : Флинта: Наука, 2003. — 432 с.
12. Ушаков Д. Н. Толковый словарь [Электронный ресурс] / Д. Н. Ушаков. — Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/> (дата обращения: 22.05.2016).

Литература на иностранном языке

1. Crystal D. Language and the Internet / David Crystal. — 2 edition — Cambridge : University Press, 2006. — 304 p.

Нормативные документы

1. О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” и отдельные законодательные акты РФ по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей [Электронный ресурс] : федер. закон [от 05.05.2014 №97-ФЗ]. – Режим доступа:

http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_162586/ (дата обращения: 15.03.2016).

Источники материалов

1. Е. Ройзман. Сила в правде: электрон. ресурс. Режим доступа: <http://roizman.livejournal.com>.